

Владимир Великий

МЕЖДУ

АДОМ И РАЕМ

РОМАН

18+

Владимир Великий
Между адом и раем

«Автор»

2014

Великий В.

Между адом и раем / В. Великий — «Автор», 2014

Герои романа — вчерашние выпускники школы. Они мечтают о настоящей и вечной любви, они полны энергии и задора. Дарья Аксенова создает семью с мужчиной, которого не любит. Вместе с тем, только через него она намеревается построить свой земной рай. Удалось ли ей достичь задуманное, читатели узнают после прочтения поистине захватывающего романа.

© Великий В., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Глава первая.	6
Глава вторая.	16
Глава третья.	29
Глава четвертая.	38
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Владимир Великий

Между адом и раем

Сей труд посвящаю моим одноклассникам, выпускникам Черемновской средней школы Называевского района Омской области: Бакулиной Галине, Беловой Нине, Глуховой Любви, Гордееву Анатолию, Гузь Любви, Дергуновой Галине, Земсковой Анне, Зиминой Марии, Зотовой Галине, Кайгородову Александру,

Какоткиной Любви, Касаткину Александру, Клюкину Юрию, Коза Владимиру, Кузьминой Антониде, Лесковой Любви, Лифанову Александру, Макорину Николаю, Пятковой Татьяне, Сорокиной Лидии, Сорокину Валерию, Сорокоумовой Марии, Степахину Анатолию, Фаломеевой Нине, Филимоновой Людмиле, Чемшиной Валентине, Шакиной Любви, Шушакову Михаилу.

Глава первая.

Нежданная

Дарья Аксенова родилась в небольшой деревушке Назаровка, в Сибири. Родилась вопреки желанию родителей. Мария

забеременела от Авдея случайно, «пролетела». До этого все шло нормально, по плану. Сын Виктор родился через год после свадьбы. У супругов могло дальше идти, как у большинства селян. Иметь от трех до пяти детей. Аксеновы не хотели следовать примеру земляков, особенно муж. Его жена же, не кривила душой, она хотела иметь помощницу по дому. О своем желании она несколько раз заикалась. Высокого роста мужчина с копной черных волос и карими глазами не одобрял ее затею. Мало того. Он сильно ее колотил, когда ее тошнило от запахов кухни. Несчастливая сразу же кидалась к повитухе бабке Надежде...

Подслеповатая старуха жила на окраине деревни, доживала свой век. Хозяйства, как такового, она не держала. Сил уже не было. Муж погиб в годы Великой Отечественной войны, сложил голову на польской земле, очищая ее от немецких захватчиков. Вдова многие годы работала на ферме. От тяжелого физического труда часто болела. К врачам не обращалась. Надеялась, что все пронесет, утрясется с Божьей помощью. Да и времени для визитов не было. С раннего утра до позднего вечера она пропадала на ферме. Коров доили в три смены. Едва хватало времени для приготовления пищи или для стирки. Полунина, в большинстве своем, занималась самолечением, также пила всевозможные настои трав. Следовала советам матери, которая, будучи медсестрой, погибла в Гражданскую войну... Пару лет назад в Назаровке создали амбулаторный пункт. Об его открытии написали в районной газете. Люди заметно оживились. Но, увы... Эмоции исчезли быстро, как и появились.

Молоденькая медсестра Катюша едва приехала, как тут же у крестьян доверие потеряла. Не только как специалист, но и как женщина. Смазливая блондинка то и дело пропадала в городе Омске, областном центре. В Назаровку приезжала очень редко, приезжала с хахалем. Откуда он был родом и кем он ей приходился, никто не знал, да и не интересовался. Не интересовалась и деревенская знахарка. Одно она знала, что повеса с «сикельком», так она называла небольшой пучок жирных волос на его лысой голове, нечист на руку. В этом она убеждалась, когда он приходил к ней за самогоном. Самогоноварением Надежда стала заниматься после ухода на пенсию. Мизерного пособия не хватало. За первач рассчитывались по-разному. Одни давали деньги, другие приносили то, что было на подворье или одежду. Женское она брала, малое и большое. Позже меняла на продукты питания. От мужского категорически отказывалась, брезговала. Было и другое. Ее душа чувствовала, что шмотки у кого-то уворованы. Не брала грех на душу.

Грехом считала повитуха и брать деньги с тех людей, которые обращались к ней за помощью. Травы и настойки, которые она собирала и готовила лично сама, давало бесплатно. Не обходились без нее и роды. Земляки старухе доверяли. Не доверял ей лишь директор восьмилетней школы Николай Нилович Евдокимов. Недавний выпускник педагогического института за месяц до родов увез свою жену в Омск. Потом она вообще не появилась в деревне. Небольшого роста худощавый мужчина с плешинной на голове при встрече с повивальной бабкой не здоровался. Проходил мимо, как петух. Она на это нисколько не обижалась. Считала, что это в какой-то мере и правильно. Власть наказывала тех, кто занимался знахарством, переступал черту закона. Полунина вообще сторонилась начальников, которых часто видела во сне. Страх нередко отступал, когда она получала теплые слова благодарности от сельчан, которых излечивала от многих болезней. Помогала и женщинам, жаждущих избавиться от неожиданной беременности. «Запоздалых» не принимала, боялась накликасть на себя беду...

Авдей Петрович Аксенов, тридцатилетний мужчина, которого многие боялись не только из-за его высокого роста, но и огромной физической силы, воспрянул духом, когда в сельпо появились презервативы. До этого он, как и его земляки, вообще не имел понятия, что такое чудо техники или медицины есть на земле. О появлении «резинки» Аксеновы узнали от Александры Гулиной, технички в школе. Соседи большой дружбы не водили, но гулянки были совместные. Семейная чета посетила магазин во время обеденного перерыва. Скотник и доярка работали в одном животноводческом комплексе. Сын Виктор находился под присмотром бабушки Елены. Она овдовела очень рано. Машеньке шел второй годик, когда она осталась без отца. Иван погиб совершенно нелепо, по пьянке. После обильного застолья устроил разборки с бывшим однополчанином. Друг уступал ему не только по силе, но и был на две головы его ниже. Однако бывший командир танка оказался нахрапистее и хитрее. Едва победитель пригубил стакан самогона, он тут же получил поленом по голове. Удар оказался смертельным...

Аксеновы в этот вечер долго не спали. Все рассматривали несколько продолговатое резиновое изделие белого цвета, чем-то напоминавшее воздушный шар. Решили его опробовать. Жена с улыбкой на лице очень старательно натянула презерватив на маленький член мужа. Авдей с полузакрытыми глазами некоторое время наблюдал за женщиной, затем еле слышно произнес:

— Маня, для всякой верности натяни еще один... — Слегка ударив рукой по тощей заднице нагой, лениво добавил. — Я все еще не доверяю этому шароу... А вдруг он лопнет? Опять к бабке Надежке?

Мария еле слышно хихикнула и с серьезным видом исполнила указание мужа. В эту ночь супруги были на вершине секса. Авдей трижды заканчивал половой акт. Преследовавший его доселе страх, что жена забеременет, отступил на задний план. Подобное удовольствие испытала и его партнерша. Она впервые после рождения сына дала волю своим чувствам и страстям. Она то и дело громко вскрикивала, когда пенис входил в ее влагалище. Сейчас ее несколько не тревожило, что у Авдея член был не такой длинный и толстый, как у некоторых мужиков. Например, у тракториста Ивана Прохорова. Стриптиз она увидела во время празднования его тридцатилетия. Пьяный именинник под самый занавес торжества вышел нагим и стал благодарить гостей за их присутствие и подарки. Несмотря на пелену сивушного тумана, который господствовал в голове гостя, член коренастого мужчины ее просто поразил. Он был не только большой, но и страшно кривой. Чем-то напоминал половой орган у жеребца Пегого, на котором Авдей пас коров в летнее время. «Испытатели» презерватива не заметили, как быстро пролетела ночь. Да и ночью это было трудно назвать. Они уходили на работу в четыре часа утра, приходили домой в десять часов вечера. Спать ложились далеко за полночь. Дел по дому хватало. Как хозяйину, так и хозяйке большого крестьянского подворья.

До самого обеда Авдей пребывал в тяжелых раздумьях. Переживал о прошедшей ночи. Он все еще не верил, что презерватив выдержал его непомерную страсть. Он до появления резинки сдерживал себя. Перед эрекцией вынимал член из влагалища жены и «опорожнялся» в ее старые трусы, которые лежали под его подушкой. Свои не пачкал, да и женские трусы, в какой-то мере его возбуждали. Его «мучения» Мария замечала и ценила. Она нередко чмокала его в макушку, когда он заканчивал не туда, куда хотел. Только поэтому она смиренно шла к небольшой избушке повитухи, когда «пролетала». Полунина тяжело вздыхала и назначала курс лечения. Беременная слегка вздрагивала, когда в ее влагалище из большой прорезиновой груши выливалась теплая жидкость темного цвета. На этом лечение не заканчивалось. «Пострадавшая» ходила в баню последней. До искупления парилась, затем садилась в металлическую ванну с горячей водой.

На пятом году замужества, несмотря на резинку, Мария забеременела. К повитухе не пошла, надеялась, что сама справится. Потом она страшно сожалела. Авдей, узнав об этом, сильно рассердился. После секса в бане, которым они всегда занимались по субботам, он

сильно избил непутевую. Она не сопротивлялась, воспринимала как должное. Жилистый великан в этот вечер не на шутку взбеленился. Увидев кровь на губах жены, еще больше озверел. Он по-дикому закричал:

— Ты, чудо назаровское, хочешь меня под монастырь подвести? Хочешь меня нищим из-за кучи детей сделать? — Ударив кулаком по голове женщины, с иссуплением продолжил. — Ты, Манька... Скажи мне, кто должен за тобой... следить? Ты или я? — Мария, едва удержавшись на ногах от увесистого кулака мужа, утвердительно кивнула головой и тихо произнесла. — Кончено, я... Только я в этом виновата...

Эту ночь «преступница» не спала. Во время раздумий она то и дело смотрела на спящего мужчину. Он сильно храпел, изредка что-то бубнил себе под нос. Во внезапной беременности она его не винила. Знала, что ее Авдейка, так она порою ласково прозывала своего суженого, делал все для приумножения их хозяйства. Он с самого детства звезд с неба не хватал. Ему было пятнадцать лет, когда умер его отец. Через год умерла его мать. Бывшие жители Семипалатинской области умерли от малокровия. Паренек не понимал, что это означало. Внезапная смерть родителей его сильно озлобила. Не повезло ему и позже. В Омский строительный техникум он не прошел по конкурсу. Трудоустроиться ему в городе также не удалось. Он вернулся в родную деревню Петушки. И здесь его ожидало полнейшее разочарование. Небольшая избушка, которая досталась ему от родителей, от сильного ветра иногда шаталась. Зимой в ней было страшно холодно. Заработать приличные деньги на ферме юноше не удалось. За тяжелый физический труд платили копейки, свободного времени у круглого сироты практически не было. Не было и любимой девушки.

С Машей Слюньковой Авдей Аксенов встретился в г. Называевске, когда проходил медицинскую комиссию, на пригодность службы в Советской Армии. Высокого роста парень сильно переживал, когда его забраковали. У него признали плоскостопие. Ему было стыдно не только за себя, но и перед своими сверстниками. Он сразу же бросился за помощью к симпатичной медсестре, надеясь, что она изменит его судьбу. Не получилось. Председатель медицинской комиссии настоял на своем. Армия нуждалась в здоровых защитниках первого в мире социалистического государства.

Слухи о «хилом», так прозывали тех, кто по тем или иным причинам не служил в армии, дошли до односельчан мгновенно. В этом он убедился в тот же вечер, в клубе. Его две бывшие одноклассницы, приехавшие из Омска, почему-то с ним не поздоровались. Не замечала его и учительница математики Нина Ивановна Старикова. Во время просмотра кинофильма хилый сидел на самой последней скамейке, неподалеку от киномеханика, который то и дело клевал носом. Сидел он очень смиренно, словно чужой. Из его глаз текли слезы. Через два дня Аксенов уехал из деревни, не перенес позора, который свалился на его плечи. Жилье оставил под присмотр соседей. В электричке ему неслыханно повезло. Он встретил группу мужчин, они ехали на заработки на Север. Он без всяких обиняков принял их предложение. Один из напарников заболел, нужна была замена. Через два года Аксенов вновь вернулся в Петушки. Земляки не узнавали некогда «хилого», он сильно возмужал, раздался в плечах, на целый десяток сантиметров подрос. Еще сильнее было их удивление, когда он в соседней Назаровке купил сосновый дом, единственный в деревне, в нем жил депутат районного совета. Он переезжал о Омск. Еще через год Авдей привел в свой дом и молодую жену Марию. Так в деревне появилась семейная чета Аксеновых.

Дарья Аксенова свое имя получила от отца, хотя оно ему раньше вообще не нравилось. Оно чем-то напоминало ему жизнь из старины, давно минувшее время. Изменил свое мнение он совсем недавно. Перед рождением дочери он неожиданно загулял. Стал страдать по Дарье Новиковой, которая появилась в деревне. Она жила раньше с мужем в городе Тюмени. Три года у супругов было без проблем. Он работал водителем в автоколонне, она – на овощной базе. Денежный «дебит» у них был небольшой, но они нередко «химичили». Он делал левые

рейсы: привозил людям мебель или перегонял на дачные участки. Она приносила домой овощи и фрукты, воровала. Детей у них не было. Не было по обоюдному согласию. Они копили деньги на собственный дом. Грезил также приусадебным участком, хотели выращивать овощи и разводить поросят. Через год-другой мечты молодых людей могли бы стать реальностью. Но, увы, не повезло.

Начальник автоколонны поймал «левака» во время приработка, поймал среди белого дня. Его мольба о пощаде, как и старухи, которой он привез два мешка комбикорма для поросят, на седовласого мужчину не подействовала. Через месяц Василия уволили. Его настойчивые попытки трудоустроиться по специальности в других организациях были без успеха. Кадровики звонили на его прежнее место работы, там ему давали отрицательную характеристику. Мужчина не выдержал, ударился в запой, притом основательно. Для спиртного денег у него не было, воровал домашние вещи и продавал. Вскоре он также прокутил и сбережения, которые вместе с женой копил на жилье. У Дарьи терпение лопнуло. Она собрала свои немудреные пожитки и ушла к подруге. Затем подала на развод.

К матери Новикова приехала по очень простой причине, ей некуда было деваться. Через неделю ее пригласил управляющий фермой, просил подменить заболевшую доярку. Сначала она в прямом смысле маялась с коровами. Она впервые в жизни прикоснулась к их соскам. Дабы не опростоволоситься перед местными женщинами, на дойку она приходила раньше всех, позже всех уходила. В один из поздних вечеров она познакомилась с пастухом Аксеновым. Кто-то из доярок, особенно, незамужних, был от него без ума. Не исключением стала и новенькая. Молодой мужчина, от которого исходила не только исполинская сила, но запах травы, очаровал ее в один миг. Через день они оказались в объятиях друг друга. Произошло это случайно, возможно, и нет. Авдей в тот день подменял бригадира дойного гурта, он уехал на похороны отца. После вечерней дойки мужчина загрузил два десятка фляг с молоком на прицеп, которое отвозили в соседнюю деревню Проскуровку, на маслозавод. В помощницы он взял новенькую, она в отличие от остальных женщин, была не только самой молодой, но и самой красивой. Дарья зарделалась, когда великан взял ее на руки и очень легко перенес через борт тележки. Затем сам молодецково в нее запрыгнул. Тут же раздался голос тракториста:

— Начальники, мы поехали... Будьте осторожны и взаимно вежливы...

Старенький «Беларусь» резко дернул с места и под громкий смех представительниц слабого пола потянул за собою повозку. Места для новенькой в кабине не нашлось. Рядом с водителем сидел его внук Иван, он был на каникулах.

Авдей и Дарья, едва трактор тронулся, стали разглядывать друг друга. Особенно преуспевал в этом мужчина. Он глазел на новенькую, словно баран на новые ворота и загадочно улыбался. Стройная женщина, на которой был темно-синий халат, своеобразная форма для всех тех, кто работал на сотнях тысяч ферм огромной страны, все больше и больше его привлекала. Ему без ума нравились ее несколько полные губы, нравилась и ее улыбка, которой она изредка одаривала своего попутчика. Сдали они молоко очень быстро.

Дальше получилось веселое происшествие. Во время приемки тракторист каким-то образом умудрился «остограммиться», притом довольно сильно. Затем, едва отъехав от завода, он тележкой зацепил мотоцикл с коляской, стоявший на обочине дороги. Через пару минут, откуда не возьмись, появилась ватага парней, они были в стельку пьяные. Увидев их, пожилой мужчина от страха оставил самоходную машину и бросился в близлежавший березовый колок. Они кинулись за ним. Авдей и Дарья не стали втягиваться в предстоящую потасовку. Заведомо знали, это к хорошему не приведет. Они спрыгнули с тележки и двинулись к проселочной дороге, ведущей в Назаровку. Пошли они самым коротким путем. Шли они неспеша, шли молча. Перед самой деревней заночевали в стогу сена. Благовонье свежескошенной травы их пьянило. Пьянило их и от неожиданной любви...

Аксенов пришел домой рано утром, первые лучи летнего солнца только что опускались на сибирскую землю. Мария, увидев слегка осунувшегося мужа, с некоторым испугом его спросила:

— Авдейка, что случилось? Я сильно переживала... Думала, что тебя пьяные мужики исколотили... — Мужчина, сделав удивленное лицо по поводу уже просочившейся информации о проказах пьяного тракториста, слегка чмокнул жену в щечку и еле слышно прошептал. — Маша, у меня все нормально... Ты ведь знаешь этого придурка Колбасина... Без него ни одно дело, будь оно хорошее или плохое, не обходится...

Доверительная улыбка мужа в один миг успокоила беременную женщину. Она погладила рукой свой живот и с радостью произнесла:

— Авдюша, наш ребеночек, как мне сегодня показалось, ворочался... Ему сейчас не надо нервничать... — Затем она серьезно добавила. — На днях поеду в Называевск. Наша местная брехаловка писала, что там появилась специальная аппаратура для беременных... — Аксенов утвердительно кивнул головой и быстро ринулся на кухню. Он не только страшно проголодался, но и устал.

И в этот день, поздним вечером Авдей и Дарья вновь окунулись в море любви. На этот раз их ложем был сеновал, неподалеку от животноводческого комплекса. Запах женских духов приятно шекотал нос мужчины, страстно целовавшего нежное тело женщины, которое при свете луны, было не то темно-коричневое, не то слишком смуглое...

Дарья Аксенова родилась в мае, 26 числа. Лучи весеннего солнца настойчиво пробивались через полузатемненное окно родильного отделения районной больницы города Называевска, когда раздался ее громкий крик. Акушерка, пожилая женщина, увидев младенца, внимательно посмотрев на роженицу, которая лежала с закрытыми глазами, радостно произнесла:

— Мария, у тебя помощница появилась... Не сомневаюсь, вырастет красавица... — Молодая мама, у которой были тяжелые роды, слегка приоткрыла глаза и едва заметно прошевелила губами. — Дай же Бог... — И тут же заплакала от радости.

Молодой папа, стоявший за дверью отделения, появление дочери воспринял без особой радости. Он сильно себя костил, что не настоял на своем, не отправил жену к повитухе. Достаточно было одного Виктора, «подскребыша». Он не понимал земляков, у которых было по пять, а то и более детей. Многие из них еле-еле сводили концы с концами. Спасало то, что они имели свое хозяйство, живность. Однако этого, как правило, им не хватало. Он страшно злился, особенно летом, когда из его подворья исчезали куры или гуси. В их семье за домашней живностью приглядывать было некому. Виктор был еще маленький, он не мог уследить за десятками птиц. Не была помощницей и мать Марии, она с каждым днем угасала. Елена жаловалась на боли в сердце. Ежели беременная жена в какой-то мере Аксенова злила, то любовница стократ приподнимала его жизненный тонус. Она все больше и больше затягивала его в свои сети. Он уже не замечал свою законную жену, не было у него и желания что-либо делать по хозяйству. Узнав о рождении дочери, он слегка покачал головой и с убитым видом направился к выходу.

В ресторане «Льдинка» Авдей Аксенов просидел до вечера. За это время он осушил бутылку водки и скушал три порции котлет с картофелем. Они были его любимым блюдом во все времена. Он тяжело вздыхал, когда вспоминал свое нерадостное детство и мать. Приготовленное ею блюдо, как ему казалось, и сейчас приятно шекотало ему нос. Домой он приехал на попутной машине. Сначала он сказал сыну, что его мама купила ему сестричку. Мальчик на это не прореагировал. Он был на седьмом небе от радости, папа привез ему пистолет, который стрелял пистонами. Елена, лежавшая в постели, узнав о рождении внучки, слегка улыбнулась и вновь спрятала голову под одеяло. Эту ночь полупьяный отец новорожденной впервые спал в избушке своей любовницы. Екатерина, ее мать умерла неделю назад.

Дарья уже знала, что у Аксеновых появилось пополнение. Поэтому сообщение Авдея о рождении дочери, пропустила мимо ушей. Лишь после того, как она им насытилась, она очень спокойно произнесла:

— Авдюша, поздравляю тебя с дочерью... — Затем, прильнув к губам нагого, еле слышно прошептала. — А что будет, если я тебе такой подарок сделаю? — Неожиданный вопрос застал мужчину врасплох. Он быстро выскочил из кровати и стал одеваться. Его поведение Дарью рассмешило. Она слегка привстала и с упреком выпалила. — Эх, ты, мужичонка трусливый... Ты такой же, как и все остальные... Сразу же в кусты, как только узнают, что женщины беременные... — Тяжело вздохнув, она продолжила. — Ты, Авдеюшка, сильно не переживай... У меня все на мази... — Потом через силу из себя выдавила. — С этого момента, мой дорогой, я тебе больше не подруга и не любовница...

Нагая встала с кровати, плотно задернула шторы и включила свет. На какое-то время она замерла, словно хотела в последний раз посмотреть на того, кому она все это время дарила свою любовь. Смотрел на нагую и высокого роста мужчину. Смотрел с некоторым недоумением. Он все еще не понимал, что случилось с Дарьей. За дюжину сиеминутных встреч она никогда не говорила ему о своих семейных проблемах, не говоря уже о совместном ребенке. Даже смерть своей матери она восприняла спокойно, как должное, что происходило и происходит со всеми живущими на этой земле. Новикова первой нарушила молчание. Она, все еще нагая, вплотную подошла к мужчине и с некоторой болью в голосе произнесла:

— Ты, Авдей, все еще меня не понял... Почему я, молодая женщина оказалась в твоих объятиях, в объятиях женатого... — Заметив недоуменный взгляд Аксенова, она спокойно продолжила. — Я, как и тысячи женщин в этой стране, хочу любви, любви настоящей... — Затем тяжело вздохнула и с патетическим тоном воскликнула. — А где она, эта любовь? Где настоящие мужчины, о которых я читала в романах или в школьных учебниках? — Затем слегка наклонилась вперед и с досадой в голосе ответила на свой же вопрос. — Да нет их... Ты, мужичок, понимаешь ли это? Они все пьяницы и тупые, подонки и... — Сказать что-либо еще она уже была не в силах. Слезы душили ее. Она бросилась в постель, укрылась с ног до головы одеялом. Ее плечи сильно вздрагивали. Авдей некоторое время стоял в нерешительности, затем тяжело вздохнул и вышел вон...

Дарья Новикова уехала из Назаровки через три недели, уехала навсегда. Свою избушку она продала за бесценок жителю Омска. Аксенов специально напросился у управляющего подменить Колбасина, он опять находился в пьяном угаре. Средством транспортировки двух небольших чемоданов уезжавшей и ее самой, был тот же прицеп и тот же старенький «Беларусь». Дарья сидела на этот раз в кабине вместе с водителем, который ехал очень медленно. Он не спешил расставаться с женщиной, которую любил. Любил по-своему, пусть даже по-деревенски. Он многое за это время передумал. Желание уйти от жены, матери двух детей у него то появлялось, то улетучивалось. Ежели бы не дети, он перешел на противоположную сторону улицы, к своей любовнице. Дарья нравилась ему не только как женщина, но и как мыслящее существо. Да и души в ней было куда больше. Марии всего этого порою не хватало.

Прощание было обычным, словно никто из некогда влюбленных и не разлучался. Новикова слегка чмокнула мужчину в щеку и со вздохом произнесла:

— Авдейка, честно скажу... Еду к своему знакомому мужчине по принуждению... Он начальник, правда, небольшой... — Сжав губы, боялась расплакаться, она вновь сказала. — Он легочник, часто болеет... Он меня любит... — Затем уже сквозь слезы продолжила. — Он все-таки меня нашел...

Аксенов крепко обнял свою любимую, затем слегка оттолкнул ее от себя и внимательно посмотрел на ее лицо. Оно было бледным, почти безжизненным. Затем он покачал головой, развернулся и стремительно направился к трактору. Лишь после того, как электропоезд скрылся за лесом, он остановился и ничком упал на землю. Она была холодной, словно недавно

освободилась от снега. Он с силой рвал обеими руками молодую траву, из его глаз катились слезы...

Дарья Аксенова впервые по-настоящему почувствовала равнодушие мужчин к своей персоне в девятом классе. Произошло это совершенно случайно, во время контрольной работы по математике. Она на этот раз вообще не взяла в руки авторучку. Задание для нее было очень сложным. Не помог ей и Петька Скалкин. Он, решив все три уравнения, то и дело оглядывался на красивую одноклассницу и скалил зубы. Она подобных ребят не переваривала. Презирала она и Петьку, который все время строил из себя Лобачевского. Она нередко удивлялась его математическим способностям несмотря на то, что его родители были животноводами. Отталкивал ее и внешний вид юноши. Нос у него был большой и слегка приплюснутый. К тому же он был маленького роста, в строю стоял последним.

Во время большой перемены к Дарье подошел Николай Иванович Лобов, учитель математики. Это был мужчина лет тридцати, тридцати пяти, среднего роста, с короткими вихрами черных волос на голове. Старшеклассники знали, что у него роман с пионервожатой школы Аллой Петровной. Котеночкина была чуть выше ростом своего друга. Был у нее и небольшой изъём на лице. На подбородке у нее почему-то росли волосы. Кое-кто за глаза называл ее «бородатой». Математик внимательно посмотрел на слегка удрученную девушку и очень загадочно произнес:

— Аксенова ... Если мне память не изменяет, ты ни одного уравнения не решила. — Заметив явное расстройство подопечной, он оживился и с некоторой укоризной продолжил. — Дарьюшка, у тебя есть возможность все исправить...

Ученица с явным непониманием уставилась на своего наставника. Ее лицо было розовым, словно спелый помидор. Еще несколько мгновений неординарной ситуации и она, без всякого сомнения, расплакалась бы. Слез удалось избежать. Лобов слегка положил свою руку на ее плечо и с улыбкой подытожил. — Дарьюшка, пойдем в учительскую... Не хочу, чтобы такое очаровательное создание имело неуд по такой мудрой и очень сложной науке...

Дальнейшее поведение учителя школьницу несколько шокировало. Сначала он усадил ее за стол. Затем присел рядом с нею и на отдельном листе бумаге написал все решения. Аксенова переписала их в свою незавершенную работу и неспеша покинула учительскую. Итоги контрольной работы объявили через два дня. Дарья получила отличную оценку. Она этому нисколько не удивилась, удивился ее сосед. Скалкин почти всю перемену ходил возле «Ковалевской» и то и дело крутил пальцем вокруг своего виска. Развязка для слабоуспевающей по математике наступила после занятий. Она уходила из школы одной из последних. Она ни с кем из одноклассников дружбы не водила. И на этот раз она шла одна.

На улице было уже темно, когда по дороге ее догнал Лобов. Он слегка наклонился к девушке и чмокнул ее в губы. Дарья от неожиданности вздрогнула и резко отпрянула. Ее физиономия извергала явное непонимание. Мужчина заразительно засмеялся, затем крепко сжал ее руку и очень серьезно произнес:

— Дарьюшка, долг платежом красен... Я тебе отличную оценку, а ты мне поцелуй... Идет? — Аксенова, непонятно почему, заразительно рассмеялась, затем наклонилась к учителю и чмокнула его в губы. В тот же миг она почувствовала запах жареного лука...

Игра в поцелуйчики ей была знакома еще с детства. Ребята и девочки часто это делали, когда играли в глухой телефон или прыгали через скакалку. Подобное какой-либо проблемы у них не вызывало, кроме одного — смеха...

В этот вечер Дарья Аксенова вернулась домой очень поздно. Прогулка по лесу с мужчиной, который был значительно ее старше, удалась. За очень короткий отрезок времени она многому научилась. И не только по-настоящему целоваться. Она познала и почувствовала также и неизданное, которое раньше для нее было запретным, табу. К ее телу впервые в жизни прикоснулись мужские руки, которые чуть-чуть дрожали. Не то от страха, не то от волнения.

Она свою девственность сохранила, не отдалась мужчине. Несмотря на то, что желание сделать это, у нее лилось через край. Тормозом прелюбодеяния был сам любовник. За соращение несовершеннолетней ему грозила тюрьма. Осыпая страстными поцелуями нагую девушку, он через некоторое время слегка вскрикнул и стал издавать носом свистящие звуки. Дарья из-за темноты не видела его лицо, но знала, что подобное сопение нередко исходило из комнаты ее родителей. Лобов проводил ее до дома. Он на прощание ей сказал:

— Дарьюшка, скоро я уеду в Омск, на повышение... Тебе же, скажу одно... К сожалению, в нашем обществе ум человеческий не стал престижным... — Слегка вздохнув, он продолжил. — Для подобных тебе, Дарьюшка, ум и не требуется. Ты очень красивая... Используй эту козырную карту на всю катушку... У твоих ног будут многие мужчины, да и карьера придет...

Школьница на умозаключения наставника не реагировала. Она стояла словно истукан. Лишь иногда ее хрупкие плечики слегка вздрагивали. Кое-где ее тело испытывало зуд, не то от опавшей осенней листвы, не то от поцелуев несостоявшегося совратителя.

В эту ночь Дарья Аксенова долго не спала. Она впервые в жизни по-настоящему раздумывала о своем предназначении на этой земле, в первую очередь, как красивая женщина. Кое-какие эпизоды из прошлой жизни ей уже стали нравиться. Еще в первом классе классный руководитель Татьяна Ивановна, представив ее перед сверстниками, обратила внимание на ее красоту. Положив руку на плечико Даши, она с нескрываемой радостью проворковала:

— Уважаемые детки! Дашенька самая красивая в нашем классе, она будет представлять нас в президиуме... Она станет одной из ударниц в учебе и поведении...

Маленькая девочка не обращала внимания на то, что лилось из уст очень пожилой женщины. Как и вообще не понимала, что означал на деле «президиум» или «ударничество». Она лишь крутила по сторонам своей маленькой головкой с темно-русыми, каштановыми волосами и улыбалась. Пророчество наставницы не оправдалось. Аксенова училась посредственно, хотя была и не без таланта. Об этом говорили не только ее учителя, но и родители. Она могла читать наизусть большое стихотворение и тут же не решить простейшую арифметическую задачу. Почему так происходило, взрослеющая особа и сама не понимала. Возможно, ей не хватало усидчивости... Была и еще одна причина, по которой она нередко получала неудовлетворительные оценки. Ее отец за время учебы детей, сменил три места жительства. Он не уживался с местными начальниками. Аксеновы сначала жили в Назаровке, затем переехали в Стрелковку, потом в Фомиху и вновь оказались в Назаровке. Были у девушки и личные соображения по поводу учебы, они шли вразрез с тем, что писали в газетах или говорили с трибуны. Она все больше и больше приходила к выводу. Ученость в стране, особенно, на селе, никому не нужна. Большинство ее сверстников или чуть постарше, как правило, оседали в деревне. Оседали не по собственной воле. Лишь единицы поступали в техникумы или институты. Она не хотела впустую грызть гранит науки или болтать о том, во что никто не верил...

На следующий день Дарья Аксенова пришла в школу очень поздно, пришла на математику. Она была последней. Едва она открыла дверь классной комнаты, как тут же оказалась в объективе глаз одноклассников. Это происходило всегда, если кто-то опаздывал. Опоздавшие, он или она, оба или обеи, под молчание или сопение сотоварищей неспеша садились на свои места и через некоторое время принимали рабочее положение. На этот раз получилось исключение. Причиной этому был внешний вид вошедшей. Она была одета явно не по-школьному. На ней была футболка белого цвета, посредине которой красовалась позолотой буква «Д», эмблема всесоюзного спортивного общества «Динамо». Очень короткая юбка черного цвета плотно облегла заднюю часть тела высокой и одновременно стройной девушки. Однако, это было не столь вызывающе и не главное. В небольшое село Фомиха из Омска нередко залетали «фуфыры», они одевались так «модно», что порою пожилые селяне осеняли себя крестом. Молодые же от зависти тяжело вздыхали.

Дарья на этот раз решила взять пальму первенства среди супермодных. Сначала она изменила свою прическу. Вместо большого пучка волос, который раньше перевязывала резинкой, она сделала две косички и перетянула их бантами белого цвета. Затем она подвела свои брови и ресницы. Красной помадой намалевала губы, притом очень густо. И это было далеко не все в ее макияже. Она ушила свой бюстгальтер, сделала его более узким. Она долго вертелась перед большим зеркалом, стоявшим в коридорчике. Ее груди были почти такие же, как у звезд Голливуда. С чем кушали этот Голливуд она не знала. Об американском центре кинопромышленности ей рассказала Нина Рыкова, родственница ее отца. Она приехала из города Орла, из центральной части России и с некоторым презрением смотрела на «отхожих», так она называла жителей глухой сибирской деревни. Авдей и Мария, скрипя сердце, переносили чудачества непрошенной гостьи. Женщина средних лет вела себя довольно странно. Во время приема пищи из небольшой дамской сумочки она вынимала бумажную салфетку и очень тщательно протирала ложку или вилку. Чай или молоко пила с некоторой опаской, будто в них были какие-то микробы. Было у нее и другое, что вызывало удивление. Перед сном она на свою голову с редколесьем рыжих волос надевала специальную сетку.

Дарье с городской особой по-настоящему поговорить не удалось. Желание было, но оно тут же исчезало, как только перед ней появлялась толстая женщина в очень короткой юбке. Ее ноги были не только толстые, но и сильно кривые. Однако, не все плохое было у горожанки. Дарье нравились запахи, которые от нее исходили. Она душилась в день по несколько раз. Парфюмерное средство было таким сильным, что его дурманящий аромат плохо действовал не только на людей, но и на кота Сеньку. Он при появлении источника запаха сильно рычал и убегал на улицу или в соседнюю комнату. Прощание европейки с жительницей азиатской части СССР было простым, но запоминающим. Рыкова, сделав задумчивое выражение лица, протянула девушке руку и несколько по-философски себе под нос пробубнила:

— Боже, как ты несправедлив... В сибирской глуши породил красивый жемчуг, а в цивилизации... — Коротышка не договорила. Она всплеснула руками и быстро направилась к выходу. Времени было у нее в обрез. Авдей повез родственницу на телеге, запряженной лошадей. Гостья жаловалась на излишний шум трактора и также боялась выпачкать свой женский костюм белого цвета...

Аксенова неспеша зацокала каблуками своих черных туфель и тут же до ее уха донесся сначала непонятный шум. Затем раздалось многоголосое не то удивление, не то возглас: «Ухты-ы-ы». Он был такой сильный, что модница, едва присев на свое место, слегка зажала руками уши. Подобное раздалось еще раз и еще раз... Дальше творилось совсем непонятное. Первым из шока вышел Колька Белов. Он приблизился к той, которая сидела впереди него через две парты. Он слегка похлопал по плечу модницы и с нескрываемой радостью сделал умозаключение, которое ее слегка ошарашило:

— Дарька, ты сегодня настоящая модель нашей деревни... Ей богу, вот тебе крест... — Затем он посмотрел на учителя, который также был в недоумении.

Лобов лукаво улыбнулся и, дабы не сделать происходившее в классе комедией, взял за руку ценителя красоты и посадил его за парту. Тут же раздался дружный хохот. Смеялись все, без исключения. Между тем ребята с огромным наслаждением буравили глазами стройную девушку, которая сидела за партой и слегка вздрагивала. Она и сама не понимала, почему она так сильно волновалась. От страха или от огромной радости, что красоту ее признали. Признал сильный пол, пусть даже еще и «зеленый». Ведь ее жизнь только начиналась. От потаенных мыслей и чувств ее передняя часть головы с каждой минутой розовела. Соединение каштановых волос и цвета ее лица делало девушку еще краше. Не скрывал симпатии к ней и учитель математики. Ему самому хотелось на минуту расслабиться, забыть о своем предназначении в обществе и перед этими молодыми людьми. Он тяжело вздохнул и с серьезным видом подошел

к классной доске, написал пару уравнений. Затем он повернулся и бросил взгляд на питомцев. В отличие от ребят девчата сидели понуро, кое-кто опустил голову вниз...

Он перевел взгляд на сельскую модель. И замер. Аксенова сидела, словно первоклассница. Ее красивые руки лежали друг на друге. Головка с двумя косичками выющихся каштановых волос не двигалась. Он поднял руку кверху, словно полководец. Класс на миг затих. Затем он подошел к парте, за которой сидела виновница необычайного происшествия, и очень серьезно произнес:

— Аксенова, после окончания урока зайдите ко мне... У нас не принято так поздно приходить на занятия... Учтите это, пожалуйста, на будущее...

Старшеклассница на этот раз ослушалась своего наставника. В учительскую она не пришла. Ей было не до этого. «Красивая каштанка», так ее успел окрестить Колька Белов, делилась секретами своей прически с девушками. Она, как и раньше, класс покидала последней. Едва она закрыла калитку школьной ограды, как перед ней, словно из-под земли вырос Лобов. Он был в приподнятом настроении. Она это почувствовала сразу, как только он пожал ей руку. Затем она наклонилась в сторону мужчины, и поцеловав его в щечку, произнесла:

— Николай Иванович, большое спасибо за науку... Спасибо, Николай...

Аксенова тотчас же несколько подалась вперед и ускоренным шагом направилась в сторону дома, где снимала угол. Затем сильно побежала, словно ее преследовали бандиты. На полпути она развернулась и посмотрела на дорогу. Лобов стоял и махал ей рукой. Для него сегодня был последний день его работы в школе. Это был также и последний вечер, когда он простился с красивой школьницей. В том, что она использует его советы в будущем, он несколько не сомневался...

Глава вторая.

Путевка в жизнь

В небольшую деревушку Назаровка корреспондент газеты «Заря коммунизма» Анатолий Стрельников добирался очень долго. Несмотря на то, что от районного центра Называевск до нее было километров шестьдесят, а напрямую и того меньше. Причиной многочасового путешествия были капризы сибирской погоды. Служебный автомобиль «Москвич» главный редактор газеты Евгений Петрович Родионов подчиненному не дал. Боялся, что в дороге старенькая машина поломается или хуже того, водитель наедет на высоковольтный столб или одиночную березу. В жизни всякое бывало. От города до деревни Фомихи, промежуточное селение, собкор добирался на маршрутном автобусе. Добрался очень удачно, несмотря на проливной дождь, который лил как из ведра. Словно хотел затопить поля с пшеницей, с которых районные власти намеревались собрать неплохой урожай. Стрельников бывал на оперативках в сером здании, где заседала местная власть и поэтому кое-что из ее планов знал. С начальством повыше, не говоря уже из белокаменной столицы, он контактов или связей не имел. Ему, молодому человеку, разменявшему в первый день весны двадцатник, было не до этого.

Перед ним стояли куда простые планы. Газете нужен был «свежак», новый материал. Это, первое. И второе. О большой должности он пока не мечтал. При этой мысли он улыбнулся. На хлебную должность претендовали более опытные писаки, притом со связями...

От Фомихи до конечного пункта Стрельников шел пешком. Между деревнями шоссейной дороги не было, шел по проселочной. Она изобиловала не только канавами, но и солончаками. Изменение погоды он заметил еще в кабинете, когда с коллегой по перу обсуждал недельный план работы. Секретарь райкома партии по идеологии, курирующий газету, определил очень многое. Предстояло написать об итогах ударных вахт, посвященных Великому Октябрю и о высоких темпах уборочной, а также о лучших людях района. В Назаровку он ехал не просто так, скондачка. Ехал по просьбе учительницы истории местной школы Надежды Евсеевны Кабаковой. Она неоднократно просила редакцию написать об Иване Федоровиче Плахоте. Ветеран войны и труда, несмотря на преклонный возраст, занимал активную жизненную позицию. Мало того. Он работал на своем огороде. Работал не ради удовольствия, трудился ради эксперимента. Он доказывал, что и в Сибири все и вся может уродиться. У него были самые большие огурцы и помидоры, и главное, арбузы. Подобных овощей во всей округе не было. Продукция была отменного вкуса и качества. Огородные плоды старик не продавал. Кое-что оставлял для себя, остальное дарил школе или односельчанам. Люди в знак благодарности делились с одиночкой тем, что имели и до чего руки доходили. По инициативе Кабаковой над пожилым мужчиной шефствовали пионеры. Летом они помогали ему выращивать овощи и фрукты, зимой ходили в магазин за покупками...

Внезапно за спиной путника раздался рокот автомобиля. Он обернулся и от неожиданной удачи улыбнулся. Водитель молоковоза был ему знакомый. Петра Исаева он часто видел, как в Называевске, так и во многих деревнях района. Он забирал молоко с ферм. О мужчине, которому было за пятьдесят, в районной газете написала Алла Ивановна Сухопарова, заведующая сельским отделом. Она работала в газете почти четверть века. Она знала не только больших и маленьких начальников, но и многих жителей района. Стрельников в отличие от профессионала и старожилы, был еще неопытным. Был «соплячком», так его порою называла Сухопарова, когда они были в кабинете или кушали за одним столом в райисполкомовской столовой. Он на это не обижался. Наоборот, он гордился своей молодостью.

Водитель машины ГАЗ – 53 слегка притормозил и, полуоткрыв дверь, протянул путнику руку для приветствия, затем пригласил его к себе в кабину. Молодой человек улыбнулся и,

привстав на подножку, в один миг оказался на сидении. И тут же откинулся на его спинку, вытер рукой пот с лица и облегченно вздохнул. Пешком он прошел максимум пару километров и уже чертовски устал. Отнимали силы бездорожье и непролазная грязь. Мешала ему и его ручная кладь, большой саквояж из кожи, где находились обычные журналистские премудрости, без которых пишущая братия не обходилась. В сумке также были туалетные принадлежности, и кое-что из съестного. Во многих деревнях столовых не было. Людей, о которых он писал, как правило, он не объедал. Несмотря на их приглашения, он вежливо отказывался. Ссылался, что перед встречей он только что плотно покушал.

За пару километров до Назаровки при переезде через дорогу, которая разделяла огромное поле, засеянное пшеницей, молоковоз основательно забуксовал. Опытный водитель несколько раз делал небольшую раскачку вперед и назад, бесполезно. Исаев извинился за плохой сервис и тепло простился со знакомым. Сам же остался в машине. Полная цистерна молока требовала присмотра. Стрельников вновь пошел пешком. Бульканье и чавканье, которое исходило из его маленьких полусапожек во время ходьбы, не нарушали приток мыслей, которые появлялись в его голове.

Толя Стрельников еще в детстве мечтал выбиться в начальники, хотя бы в маленькие. О большем он и не думал. Для этого у него просто-напросто не было оснований. Родителей он вообще никогда не видел. Были ли у него братья или сестры, он также не знал. Только в первом классе он понял, что он, есть круглый сирота. Раньше своей матерью он считал тетю Люду, воспитательницу в детском доме. Он часто называл ее мамой. Симпатичная женщина приносила ему леденцы. Особенно любил он петушки на палочке. Сосал карамель, как правило, после приема пищи, которая ему всегда казалась невкусной. Любил он и пирожки с картофелем. Подобный деликатес тетя Люда приносила редко.

Несколько позже он узнал о себе еще кое-что. «Мама» очень многое рассказала ученику третьего класса, что доселе держала в тайне. Небольшой сверток, лежавший у входа в дом малюток, одна из работниц заметила сразу же. Да и заметить было невозможно. Младенец, завернутый в одеяло, сильно кричал. Подбросили его первого марта, в первый день весны. Отсюда и появилась дата его рождения. Через полгода дали ему имя и фамилию, потом оформили документы. Больше всех этим делом занималась Людмила Петровна Стрельникова. Занималась она основательно, так как имела особый интерес. Подкидыш ей с каждым днем все больше и больше нравился. Своих детей у нее не было. Причиной этому была ее внематочная беременность. Врачи сделали операцию очень неудачно. Сначала хоть какая-то надежда иметь ребенка была, потом она погасла. Женщина радовалась, когда видела, что мальчик все больше и больше походил на ее старшего брата. Те же голубые глаза, тот же цвет волос. Она сильно плакала, когда он покончил с собою. Не перенес измены любимой жены...

Иван Стрельников был категорически против усыновления малыша. На него не действовало и то, когда его жена показала ему свидетельство о рождении детдомовца. В метрике все было подлинное и с печатью, они родители сына... И это не перевесило чашу весов в пользу бесплодной. Мало того. Муж пригрозил ей разводом, в худшем случае. В лучшем – сообщит в милицию о подделке документов. Жена в конце концов сдалась, уступила. Почему она открыла свою тайну несостоявшему сыну? Причина была очень простой. Врачи определили у нее малокровие. Через год она умерла. Прощались с ней все обитатели детского заведения. Больше всех плакал Толя Стрельников. С тех пор много воды утекло. Каждый год в день смерти матери он ложил на ее могилу свежие цветы. Именно благодаря этой женщине, он сделал первые шаги в свою юность...

Круглый сирота от безысходности нередко плакал. Особенно ему было тяжело в восьмом классе, он не мог определиться со своим будущим. Заканчивать десятилетку он считал бессмысленным занятием. Ему никогда не поступить в институт. Учился он неважно. Никто из наставников не представлял его инженером или учителем. Профессионально-техническое

училище мальчика вообще не привлекало. Он уже кое-что был о нем наслышан. Шли дни, он все еще оставался на распутье...

За месяц до выпуска ему повезло, причем очень сильно. В школу приехал корреспондент областной газеты «Молодежь Сибири» и попросил учеников написать о своих родителях. Стрельников к просьбе старика с небольшим клоком седых волос на голове отнесся очень серьезно. Он так «крутил» мозгами, что вспотел. Работу он сдал последним. Однако его заметку зачитали первой. Ничего особенного он не написал. Он очень коротко изложил о жизни своего деда, участника Великой Отечественной войны, умершего от ран. Еще короче написал о родителях, которые его бросили. В самом конце он приписал, что хочет учиться дальше. Николай Петрович Скрябин, гость из Омска после прочтения заметки прослезился. Его душа и сердце вновь окунулись в лихолетье прошлого.

Он вспомнил свое детство и войну, во время которой погибли его родители и две его сестры. Ему было шестнадцать лет, когда он решил отомстить фашистам за смерть близких ему людей, за свою страну. Его попытка записаться добровольцем, успехом не увенчалась. На призывном пункте сказали, что Красная армия уничтожит врага и без его помощи. Силы молодых нужны для восстановления разрушенного народного хозяйства. Юноша, однако, не отступил. В Москве он сел в один из воинских эшелонов, идущих на запад. Через неделю он уже принимал участие в боевых действиях. За время войны на личном счету сержанта было двенадцать убитых фрицев. Артиллерийские залпы победы он встретил на территории поверженной Германии, в лазарете. Он был ранен в левую ногу. Через три десятка лет рана все еще давала о себе знать...

Слезы старика вызвали слезы и у молодого автора. Он вообще расплакался, когда пожилой мужчина его крепко обнял и с уверенностью произнес:

— Не плачь, мой внучек... Советская власть никогда не оставляла в беде тех, чьи деды и родители делали все возможное для нашей победы... — Школьник ничего в ответ не сказал. Он еще сильнее сжал руками, слегка вздрагивающее от слез туловище мужчины, затем тяжело вздохнул.

Заместитель главного редактора газеты Николай Петрович Скрябин сдержал свое слово. Не без его помощи Толя Стрельников поступил в Исилькульское педагогическое училище. Он полностью находился на государственном обеспечении. Учился он с большой жадностью. Был ударником учебы. И в стенах училища ему опять в какой-то мере повезло. На втором курсе его назначили редактором стенной газеты «По заветам Ильича». Скорее всего, это было данью за его активную работу. Газета выходила два раза в месяц и, как правило, не обходилась без его заметки. Он порою был помешан на их написании, независимо какими они были по объему или тематике. Во время перерыва между уроками он с карандашом за ухом подходил к сверстникам, подавляющее большинство которых были девушки, и очень скурпулезно расспрашивал их о том или ином. Начисто заметку он писал в библиотеке. Небольшое помещение, до отказа набитое учебной и художественной литературой, подшивками журналов и газет, было одним из мест его времяпровождения. Любимой газетой будущего учителя русского языка была «Молодежь Сибири». Он был одним из первых, кто листал ее страницы. Он с замиранием сердца смотрел на маленькую колонку, где была написана фамилия главного редактора. Он радовался успехам своего наставника, его продвижению по службе. Скрябин его частыми визитами не баловал, не было свободного времени. Однако редкие встречи у каждого из них надолго оставались в памяти, они заряжались друг от друга, правда, каждый по-своему.

Для подопечного его наставник был особый человек, человек-легенда. Он сразу же привязался к нему, не только как к деду, но и как к старшему по возрасту мужчине. Он хотел в какой-то мере восполнить отсутствие отца. В подобном существе он нуждался всю жизнь, особенно в тяжелые ее моменты. У него проступали слезы, когда Скрябин приезжал на день его рождения. Он, переступив порог училища, сначала заходил в преподавательскую комнату,

интересовался успехами своего «внука». Затем его разыскивал и они тут же шли гулять по Исилькулю. Небольшой городшико нравился юноше. В паре с «дедом» — нравился вдвойне. Он почти всегда ходил с полуоткрытым ртом от изумления. Причиной этому была полнейшая осведомленность его наставника о районном центре. Скрябин останавливался перед тем или иным учреждением или памятником и рассказывал об истории его возникновения. Внук внимательно слушал, иногда задавал вопросы. Получив исчерпывающий ответ, он тяжело вздыхал. Душой он не кривил.

О городе он так подробно не знал. Если и знал, то небольшую толику. Исилькуль, например, получил свое название от находящегося рядом озера. Его название с казахского переводилось как «гнилая вода». В переводе же с тюркское это название означало «очарованное, долгожданное». Мало знал он и о своем училище, история которого началась с 1929 года, когда курсы школьных работников были преобразованы в педагогический техникум. В 1955 году в связи с резким сокращением численности учащихся начальных классов, причиной этому была война, педучилище было закрыто. В 1965 году оно вновь открылось...

Внук также не обманывал себя, что его, уже взрослого парня, брала в свои объятия гражданская жизнь, где не было ни учителей, ни строгого воспитателя дяди Пети. Не проходило и пяти минут, чтобы в общежитии не раздавался его громовой голос. Больше всех офицера запаса боялись девушки, особенно, выпускного курса. Они нередко покидали жилое помещение для совместного проживания и бежали в городской парк покататься на чертовом колесе или покататься на качелях. Были и те, кто заводил дружбу с парнями. Таких были единицы. «Невесты» были на особом учете у воспитателя и у директора училища...

Скрябин перед тем, как проститься с внуком, вынимал из кармана пиджака тряпичный кошелек и извлекал из него купюру синеватого цвета. Пятирублевка была основной бумажкой, которой удосуживался его подопечный. Он тут же слегка кланялся и почти по-мужски обнимал своего благодетеля. Затем они направлялись к старенькому «Москвичу» и тепло прощались. Как правило, мужчины не выдерживали, слезились. Едва легковушка исчезала из виду, Стрельников бежал к небольшому торговому лотку, расположенному на перроне вокзала, и покупал сто граммов конфет «Золотой ключик». Он неспеша снимал обертку с одного из кондитерских изделий и также неспеша ложил его в рот. Он с большим наслаждением и очень долго сосал конфету, она была не только сладкой, но и издавала приятный запах.

Перед праздником Великого Октября в педагогическом училище объявили конкурс наглядной печати. Стенная газета выпускного курса была признана лучшей. От имени районного отдела народного образования ее редактор Стрельников получил благодарность, редколлегия — ценный подарок, фотоаппарат. Для специалиста по редактированию ФЭД был не новинкой. Он пару недель занимался фотоделом в кружке при Доме железнодорожников. Потом его забросил. Не было времени и желания. За день до всенародного праздника редактор получил специальное задание от директора педучилища. Оно было для него не только неожиданным, но и очень ответственным.

Сипаев Иван Афанасьевич, бывший работник райисполкома в двухэтажное здание, где «ковались» учителя начальных классов, пришел недавно. Средних лет мужчина свое основное «производственное» время проводил в кабинете, что-то писал или звонил по телефону. Переговорное устройство было единственным в заведении, поэтому заместители директора или кто-то из учителей довольно часто стояли гуськом возле кабинета своего шефа. Едва он выходил, как тут же очередник бросался к аппарату. За неделю до праздников очереди исчезали. Все и вся готовилось к торжеству. Действовал категорический приказ директора. В «святые» дни никто не должен шляться без дела, тем более, звонить. Только работа и примерное поведение каждого — есть достойная встреча праздника. «Сипай», так прозывали директора, в эти дни также был начеку. Он сидел в кабинете возле телефона и ждал указаний из райкома партии

или отдела народного образования. Отлучался он очень редко, исключение — естественные надобности. И на этот случай он давал наставления своей секретарше.

Стрельников очень робко постучал в дверь кабинета, затем несколько переждал. Какой-либо реакции изнутри не последовало. Он слегка приоткрыл дверь и переступил порог. И на этот раз сидевший за столом мужчина его не заметил. Сипаев сидел неподвижно, сидел с закрытыми глазами. Вошедший слегка хмыкнул себе в кулак, затем громко кашлянул. Последнее он сделал непреднамеренно. В комнатах общежития, где на двухъярусных кроватях спали учащиеся, уже неделю было страшно холодно. Из-за внезапных крепких морозов перемерзли трубы. В каком месте это произошло, коммунальные службы города до сих пор еще не определили. Кое-кто из учащихся простыл, причем он сильно.

Сипаев неспеша открыл глаза и, набросив на свой нос очки, скороговоркой произнес:

— А-а, товарищ Стрельников, прошу присаживаться к моему столу... — Отодвинув в сторону пачку бумаг, он с деловым выражением лица продолжил. — Я, честно говоря, от повседневных забот порядочно устал... — Затем он за руку поприветствовал своего питомца и вновь сказал.

— Я только сейчас думал, как нам с тобою, Анатолий Иванович, по-настоящему, с коммунистическим размахом встретить главный праздник человечества...

Юноша, сделав озабоченное выражение лица, придвинул к себе стул и осторожно на него опустился. Затем из кармана брюк он вынул записную книжку и авторучку. Деловой вид молодого человека и его готовность к работе, оживили сухопарого мужчину. Он подал свое туловище несколько вперед, к собеседнику и, сделав короткий вдох и выдох, с серьезной миной произнес:

— Я уже набросал план работы... — Слегка улыбнувшись, продолжил. — Толя, мой дорогой, в нем также предстоит поучаствовать и тебе...

Стрельников внимательно посмотрел на своего шефа. Его физиономия была чересчур серьезной, даже в какой-то степени одухотворенной. Сипаев покачал головой, потом с некоторым пафосом подытожил:

— Анатолий Иванович... Нашу работу будет экзаменовать первый секретарь горкома партии и другие ответственные товарищи...

Порученец с большим вниманием выслушал указания своего начальника, кое-что зафиксировал письменно. В эту ночь он довольно часто ворочался. Ворочался не от холода, который свирепствовал в спальном помещении. Ворочался от важности и ответственности предстоявшего задания. Оно и на самом деле было таковым. Сфотографировать первого секретаря горкома партии среди его свиты стоило больших усилий и для профессионала. Лично сам Сипаев или же Скрыбин это бы сделали без проблем, им это, что семечки щелкать. Ему же надо было работать и работать... Беспокойная ночь для юного фотографа не прошла даром. В его голове созрел план действий, хороший или плохой он, покажет время...

На следующий день Стрельников встал на вахту, прямо у центрального входа в трехэтажный особняк, расположенный в центре города, неподалеку от железнодорожного вокзала. Черная Волга «ГАЗ – 24» к парадному крыльцу оплота местной власти подкатила только к обеду. Из машины вышел небольшого роста мужчина с черной папкой под мышкой. На нем было черное пальто и такого же цвета шапка. Он быстро поднялся на крыльцо и тут же скрылся из виду. «Часовой» не то от страха, не то от жуткого мороза, который пробирал его до самых костей, прикусил себе губу. Он не думал, что большой начальник так быстро проскочит мимо него. Неудачник вздохнул и вновь направился к учебному корпусу. Во время пути он напрягал все свои физические и умственные силы, чтобы воспроизвести портрет начальника. Не удавалось. Особенно, его нос. Маленький или большой он был, он так и не мог толком вспомнить.

Своими бедами он поделился с директором училища. Сипаев, узнав о том, что его подопечный в прямом смысле провалил порученное дело, сначала нервничал. Даже слегка скри-

пел зубами. Потом гнев сменил на милость. Он улыбнулся и подошел к книжному шкафу. С верхней полки взял небольшой рулон, перевязанный бечевкой. Порученец, как только перед собою увидел большую фотографию, с облегчением вздохнул. Улыбнулся. Мужчина, стоявший на высокой трибуне в окружении очень серьезных особ, был чем-то похож на того, кого он совсем недавно видел возле серого здания.

Улыбнулся и Сипаев. Он слегка взъерошил волосы на голове питомца и весело произнес:

— Эту фотографию Половозова я в прошлом году у районного начальства умыкнул...

Они все любят фотографироваться...

Стрельников на реплику директора не ответил. Он стоял с серьезным выражением лица. Его голубые глаза пылали, словно факел у литературного героя Данко. Его очередной план, без всякого сомнения, завтра сработает...

Участники праздничной демонстрации на главную площадь города Исилькуля, носившую имя вождя пролетарской революции, начали стекаться с раннего утра. Некоторых из них, в первую очередь, из отдаленных деревень, привозили автобусами или на грузовых машинах. Кое-кто приезжал и на собственном транспорте. По всему городу были расставлены наряды милиции и дружинники. С каждой минутой людей становилось все больше и больше.

Анатолий Стрельников был не в духе. Его попытка найти какое-либо возвышение, подобие холма или даже столба, провалилась. И очередной вариант ему не удался. Он подошел к высокой трибуне, обтянутой красным кумачом, и попытался на нее взойти. Не получилось. Перед ним в миг появились два милиционера в черных полушубках, на ремне у каждого была кобура с пистолетом. Большие дяди почти одновременно взяли его за шиворот, и оттащив в сторону, недовольно пробурчали:

— Паря, еще раз попадешься нам на глаза, пеняй на себя... Черный воронок тебе обеспечен... Понятно, гражданин?

Юноша низко опустил голову и почти плаксивым голосом заверил:

— Больше не попадусь, товарищи милиционеры... Честное слово, не попадусь... — Затем он дал деру. Он всю жизнь боялся милиционеров. И не только он один...

Главные часы города, стоявшие на специальной подставке, неподалеку от гостиницы «Сибирь», единственной в районном центре, показывали половину десятого утра, когда на высокую трибуну взошла небольшая стайка местных начальников. Внешний вид элиты разительно отличался от многоликой толпы. Они были одеты в добротные пальто черного цвета. Такого же цвета были и их норковые шапки. На груди каждого из них были прикреплены большие красные банты. Через некоторое время к трибуне в сопровождении двух гражданских и наряда милиции подошла большая группа людей. Это были передовики производства, ветераны войны и труда, а также представители молодежи. Они расположились по обе стороны от местной когорты.

Порученец подошел к трибуне и пробежал по ней глазами. Половозова среди стоявших почему-то не было. Его переживания были недолгими. Через пару минут к трибуне подъехала черная «Волга» и из нее вышел уже знакомый ему начальник. Он был таким же важным, как и день назад. Под мышкой у него была та же папочка. Едва он поднялся на трибуну, как некогда серьезные чиновники расцвели в подобострастной улыбке и каждый по очереди стал протягивать ему руку для приветствия. Едва Половозов подошел к микрофону, в самый центр искусственного возвышения, к нему тотчас же подбежала молодая девушка. Она сделала пионерское приветствие и приколотла к его груди красный бант. Из свиты раздали жидкие аплодисменты.

Местный царь расцвел в улыбке, и повернувшись к многоликой толпе, лениво помахал ей рукой. Юный фотограф на некоторое время забылся. Большое скопление людей, обилие плакатов и транспарантов ему нравилось. Даже очень. Он повернулся в сторону демонстрантов, затем перевел взгляд на «правительственную трибуну», временно сколоченное из досок сооружение. И тут же осекся. Он чуть было не забыл о важном задании Сипаева. Он сделал несколько

шагов вперед и остановился. Перед ним вновь выросли два милиционера, они уже были ему знакомые. На этот раз они действовали куда решительнее, чем несколько минут назад. Один из них, физиономия которого чем-то напоминала розовый томат, с силой взял его за руку и потянул его за трибуну. Стрельников от боли вскрикнул и с отчаянием стал упираться ногами. Не помогло. Силы были явно неравные. Он уже не сомневался, окажись он за живым оцеплением, состоявшим из милиционеров и дружинников, ему никогда не сделать снимок главного человека города. Только по этой причине он дико завопил.

Завопил так громко, что на это обратил внимание седовласый офицер-милиционер, стоявший неподалеку от трибуны. Он быстро ринулся к месту происшествия, подошел к краснолицему. Затем лихо козырнул и с недовольным видом прокричал:

— Товарищ сержант, чем Вы занимаетесь? Что противоправного сделал это мальчишка? — Подчиненный выпустил из рук свою жертву, и вытянувшись по струнке, еле слышно пробормотал себе под нос:

— Товарищ подполковник... Этот гражданин находится на незаконном месте и вызывает определенное подозрение...

Начальник районного отдела милиции подполковник Филимонов, на плечах которого лежала ответственность за обеспечение безопасности праздничной демонстрации, слегка ухмыльнулся и повернулся в сторону социально опасного элемента. Высокий юноша в осеннем полупальто черного цвета, из глаз которого бежали слезы, как ему казалось, не мог нарушить правопорядок. Он вновь посмотрел на подчиненного и очень спокойно произнес:

— Товарищ Морилкин... Вы делаете в нашей службе первые шаги, но не с этого надо начинать... — Сержант с унылым выражением лица утвердительно кивнул головой и отчеканил:

— Так точно, товарищ подполковник... Не с этого надо начинать...

Тут же раздался чей-то командный голос. Участники конфликтной ситуации почти одновременно повернулись в сторону трибуны. Высокого роста мужчина с красным бантом на груди через громкоговоритель объявил, что через пять минут начинается движение колонн. Стрельников слегка вздрогнул, затем посмотрел на офицера милиции. На какой-то миг взгляды мужчин пересеклись. И тут же он услышал несколько хриплый голос:

— Ну, а ты, гражданин хороший, почему здесь болтаешься? Ведь твое место в колонне, правильно я тебе говорю?

«Правонарушитель» сначала ничего не ответил. Он стоял и внимательно буравил глазами уже не столь страшного для него начальника. Мысль похвастаться тем, что он внук главного редактора Скрябина, в его голову пришла совершенно неожиданно. Он с облегчением вздохнул и почти на одном дыхании выпалил:

— Товарищ подполковник... Я здесь по поручению моего деда Скрябина... Он главный редактор газеты... — От внезапного потока лжи он запомнил название газеты. Слегка покраснев, он набрал в свои легкие солидную порцию морозного воздуха и продолжил. — Он, он у меня самый большой начальник...

Филимонов заразительно засмеялся. Был ли на самом деле этот паренек внуком главного редактора областной газеты «Молодежь Сибири» или нет, для него какой-либо роли не играло. Он знал лишь одно. Скрябин Николай Петрович в трудную минуту его жизни оказался порядочным человеком. Трагедия произошла ранней весной. Единственный сын майора Филимонова, скорее всего, был ровесником стоявшего перед ним юноши, поехал на рыбалку. Компашка оказалась в самом центре большого водного массива. Солнце уже припекало, надо было идти к берегу. Да и рыба вообще не шла. Костя не сдавался, он следовал примеру отца. Он никогда и ни при каких обстоятельствах без добычи домой не приходил. Только к вечеру рыболовы оставили лунки. Сын милиционера был удачливее. В его ведерке бултыхалось около десятка карасей, у напарников по одному. К берегу шли гуськом. Филимонов шел последним.

Он сильно растерялся, когда в один миг под ним обрушился лед и он оказался в холодной воде. Юноша с отчаянием хватался руками за ледяное покрытие, но полупрозрачное тонкое одеяло почему-то рушилось и рушилось. Из друзей ему никто не помог. Да и помочь было невозможно. Лед рушился и рушился. Они сняли с себя шарфы и связав их, словно веревку, бросили ее утопавшему. Силы его оставляли с космической скоростью. Вскоре он оказался под водой...

Скрябин один из первых узнал о горе начальника следственного отдела милиции. Он сразу же приехал к нему домой. Он делал все, чтобы утешить молодого мужчину. Вскоре в областной газете появилась статья о происшедшем... И сейчас мальчишка, стоявший перед Филимоновым с несколько понурым видом, чем-то напоминал ему внезапно ушедшего из жизни сына. Он тяжело вздохнул и произнес:

— Ну, как мне не знать Николая Петровича... Его многие в области знают... Очень хороший человек...

Неожиданный поворот событий вдохновил юного лгуна. Он тут же вытащил из-за пазухи фотоаппарат и с некоторым лукавством сказал:

— Товарищ подполковник... Мой дедушка поручил мне очень важное задание...

Он слегка приподнялся на цыпочки и нашептал на ухо мужчины свое специальное задание. Филимонов внимательно все выслушал, рассмеялся. Ему было не в первой, когда к нему обращались не только местные газетчики, но и из области. И все они, как один, просили его рассказать о чем-то необычном из его службы, что могло привлечь внимание читателей.

Вновь раздался зычный голос. Тотчас же заиграл военный оркестр. Бравая музыка воодушевила офицера и фотографа. Филимонов взял юношу за руку и повел его к милицейскому УАЗу, стоявшему неподалеку от трибуны. Затем открыл переднюю дверь кабины, и заметив некоторое недоумение на лице молодого человека, с уверенностью произнес:

— Ну, юный гражданин страны Советов... Моя машина в твоём распоряжении... — Фотограф опять стоял в недоумении. От милиции он хотел помощи, а получалось совсем другое... — Офицер в один миг развеял его сомнения. Он широко улыбнулся и очень доверительно продолжил. — Моя машина — вышка, с которой тебе будет легче снимать демонстрацию, в том числе и главного начальника... — Больше ему что-либо объяснять не пришлось. Внук Скрябина ловко запрыгнул в салон автомобиля и вытащил фотоаппарат...

Двадцать кадров пленки израсходовал Стрельников, чтобы запечатлеть первого секретаря горкома партии. Только три кадрика ушло на других демонстрантов. В правильности сделанного он несколько не сомневался. Половозов и никто иной из многотысячной толпы был самый главный и самый важный. Юный фотограф один из последних покинул главную площадь города. Покинул лишь тогда, когда к правительственной трибуне подъехала черная «Волга» и уже знакомый, а может даже и очень знакомый ему мужчина в драповом пальто неспеша открыл дверь и плюхнулся на заднее сиденье...

В учебный корпус педагогического училища, расположенного на улице Ленина, порученец не шел, а бежал. Причиной этому было не столько голод, а сколько желание поделиться с Сипаевым результатами своей работы. Он свернул на улицу Советскую, она вела к серому особняку местной власти. Отсюда до училища было рукой падать. Юноша, у которого было приподнятое настроение, то и дело пинал ногами небольшие снежные льдинки или все то, что попало ему на пути. Перед галереей передовиков производства, прямо перед знакомым зданием, под ногу ему попала пустая бутылка из-под пива. Он отошел назад и, слегка разбежавшись, с силой пнул стеклянный сосуд. От удара бутылка пролетела несколько метров, затем, резко изменив направление, ударила об один из металлических стендов. Раздался треск. Осколки разбитого стекла полетели в разные стороны. Пешеход, словно ничего не случилось, ехидно улыбнулся и продолжил движение. Неожиданно позади него раздался голос:

— И опять эта шпана из детдома не дает людям спокойно отдыхать... Все ломают, все воруют...

Сирота повернулся назад и слегка опешил. Перед ним стояли две девочки, они были хорошо одетые. Его поношенное полупальто явно контрастировало с их богатым одеянием. Девочка, что была чуть повыше своей подруги, была одета в меховую курточку с застежками-шнурками. На ней также были белые полусапожки. Вторую особу он не стал разглядывать. Он уже нисколько не сомневался, что они приехали из Омска или имели богатых родителей. Подобные же ему, никогда таких нарядов не имели. Раздумывать о социальных проблемах советского общества ему больше не пришлось.

Высокая незнакомка почти вплотную подошла к нему и прошипела:

— Ты, деревня... Зачем ударил передовика производства? Так и все можно сломать...

Стрельников не выдержал. Он напрягся и ударил рукой в плечо назидательницы. Она не упала, лишь слегка накренилась назад. Затем резко выпрямилась и с силой ударила его в грудь. И тут же прокричала:

— Ты, вонючий детдомовец... С кем ты дерешься? Ты знаешь, кто мы такие? — На помощь ей пришла подруга. Она обеими руками вцепилась в обидчика своей сестры и со слезами на глазах произнесла:

— Наш папа первый секретарь горкома партии, а мы его дети... Ты поняла, обезьянка детдомовская... — Несколько переведя дух, она в таком же тоне продолжила. — Вот сейчас пойду и позвоню в милицию... Она тебя заберет...

Будущий учитель начальных классов на какой-то миг опешил. Опешил не от бешеного натиска незнакомок. Опешил и не от того, что его припугнули милицией. Людей в погонах и с оружием он раньше всегда боялся. Сегодня же он понял, что милиция не такая уже и грозная. Погоны носили и хорошие люди, как подполковник Филимонов. Однако и он, начальник, боялся Половозова. Поклоняться партии, вождям, великим людям Толю Стрельникова учили с самых пеленок, в детском доме и в школе. Учили этому его и в педучилище.

На каждом уроке его наставники, независимо от возраста и учебной дисциплины, трюндили, что коммунистическая партия самая мудрая в мире, а ее славный комсомол, в ряды которого он год назад вступил, есть ничто иное, как ее резерв. Они также обожествляли и местное руководство. Он многое слышал о первом секретаре горкома партии и о председателе городского совета, о других вождях местной власти. Слышал, но в лицо их не видел. Районная газета «Знамя коммунизма» довольно часто помещала их фотографии на своих страницах. Они почему-то не всегда походили на живых людей...

На какой-то миг Стрельников представил самое страшное, что может произойти с ним в недалеком будущем. Его, как детдомовца, за физическое оскорбление детей самого главного начальника отправят в детскую колонию... От страха он сжался и медленно опустился на корточки. Дыхание его стало тяжелым, по телу пробежали мурашки. Как вести себя дальше, он не знал... И тут же он почувствовал на своей спине что-то тяжелое, которое двигалось и одновременно было теплым. Из этого еще ему непонятного живого раздавались человеческие голоса и исходило прерывистое дыхание. Он приподнял голову кверху и сжал зубы. Девочки сидели на нем и били кулаками то по его спине, то по его голове. Какой-либо боли полусидевшее существо, которое называлось человеком, не чувствовало. Оно лишь тяжело вздыхало и сквозь слезы улыбалось. Живая особь имела достаточно сил, чтобы не только дать отпор насильникам, но и их победить. Она не делала этого по одной причине. Она боялась оказаться за решеткой...

Внезапно сирота почувствовал облегчение, не ощущал он и ударов. Тут же чьи-то сильные руки его приподняли и поставили на землю. Он слегка вытер слезы и увидел перед собою высокого мужчину. Незнакомец улыбнулся и покачал головой. Затем он сказал:

— Ну, что, детский сад, девчонки тебя обижают? И ты сдачи им не можешь дать?

Поверженный ничего не ответил. Он только слегка всхлипывал и изредка вытирал слезы. Рассказывать о том, почему он не дал сдачи отпрыскам большого начальника, ему не хотелось. Да и в этом не было уже никакой необходимости. Его спаситель шагнул в сторону железнодорожного вокзала. Стрельников неспеша отряхнул с себя снег и двинулся дальше. Едва он прошел галерею передовиков социалистического соревнования, как перед ним опять появились дочери Половозова. На этот раз он оставил свою нервную систему в покое. Он повернул лицо в сторону и гордо продефилировал мимо обидчиц. Затем остановился. Мысль их сфотографировать в его голову пришла неожиданно. Он быстро развернулся и, вытащив фотоаппарат из-за пазухи, нажал кнопку опτικο-механического устройства. Потом еще раз и еще раз. Девочки, скорее всего, не заметили этого. Они стояли возле большого портрета и о чем-то весело болтали.

В кабинет директора порученец попал не сразу. Сипаев и его заместители, а также секретарь партийной организации анализировали прохождение подопечных во время праздничной демонстрации. В целом педучилище прошло хорошо, без приключений. Позитив уже был предопределен заранее. Перед оперативкой позвонили из горкома партии и поблагодарили директора за организаторские способности. Лишь после того, как в кабинете наступила тишина, фотограф постучал в дверь. Сипаев сидел за столом и что-то записывал в свой талмуд. Увидев порученца, он вышел из-за стола и с распростертыми руками пошел навстречу к тому, кого ждал с большим нетерпением. Откровенно говоря, он не верил в успех своего спецзадания. Слишком сложным оно было для подопечного. Однако, в жизни все бывало. Ни одни боги обжигали горшки. При этой мысли он широко улыбнулся и стал снимать с вошедшего его ветхое полупальто. Подобная одежда была у всех мальчиков, кто жил в общежитии. По одежке местные жители сразу определяли, что за фрукт или тип стоял перед ними.

Стрельников быстро освободился от одежды и положил фотоаппарат на стол директора. Сипаев кое-какие познания имел в фотоделе. Он покрутил рычаг, и сделав серьезное выражение лица, еле слышно произнес:

— Ну, Толик, ты как заправский специалист... Почти тридцать кадров отщелкал...

Учащийся на реплику директора не отреагировал. Промолчал. Сделав серьезную мину, он присел за стол и рассказал ему о своем рабочем дне. О стычке с дочерьми Половозова он не сказал ни слова. Сипаев поблагодарил его и на прощание произнес:

— Анатолий, громадное тебе учительское и партийное спасибо... Остальное дело за мною... — Затем он похлопал юношу по плечу и уверенно добавил. — У нас с тобою первый блин комом не будет...

Подопечный почему-то неестественно выдавил из себя улыбку и быстро закрыл за собою дверь. Эту ночь он долго не мог заснуть. Все ворочался. Иногда ему казалось, что из своей неопытности он специальное задание заперол. Чем больше он думал, тем больше в его голову приходили далеко невеселые мысли...

Через два дня Стрельникова вызвали в кабинет директора. Вызвали прямо с урока. Невзирая на личное указание Сипаева, ни перед каким предложением учащихся с занятий не снижать. Он об этом знал и поэтому сильно испугался. Он уже не сомневался, что ему предстояла взбучка по поводу неудавшегося спецзадания. Некоторое время он ходил по пустому коридору, пока осмелился идти к начальнику. Его руки дрожали, когда он открыл дверь его кабинета. Едва он переступил порог и тут же замер. К его удивлению, директор был не один. Рядом с ним сидел молодой мужчина с шевелюрой черных волос.

Увидев вошедшего, они почти одновременно покинули свои стулья и ринулись к Стрельникову. Кучерявый первым протянул ему руку и несколько женским голосом прошептал:

— Анатолий Иванович, ты право, настоящий герой нашей области... — Затем, прижав к себе юношу, он добавил. — Скажу откровенно... Завтра же твоя статья будет обсуждаться на заседании нашего отдела...

Стрельников несколько отпрянул назад. Затем стал таращить глазами то на одного, то на другого мужчину. Без всякого сомнения, его с кем-то просто-напросто путали. Лично он сам, не говоря уже о родителях, которых он никогда не видел, не был героем... Дальнейшее вообще его поразило. Сипаев слегка наклонил голову перед своим питомцем, словно благодарил его за что-то важное и необычное, затем по-отцовски его обнял. Обнял и продолжил в его адрес радостную эйфорию, только что начатую инструктором горкома партии Соловьевым. Директор педучилища частенько посещал кабинет идеологического работника. Докладывал ему о проделанной работе, просил совета или ценных указаний. Иван Афанасьевич не изменял своему кредо: лучше прилежно исполнять указания вышестоявшего шефа, чем проявлять личную инициативу. Петр Петрович в училище был очень редко. Ежели и был, то только с контрольными функциями. Сегодня же было исключение...

Причиной его неожиданного визита явилась статья юного корреспондента Толи Стрельникова в газете «Молодежь Сибири». Она была помещена на первой странице одного из популярных изданий области. Здесь также были две фотографии: фотография первого секретаря Исилькульского горкома КПСС Половозова и фотография его дочерей, Тани и Светы. Все местные руководители знали своего партийного вождя, кое-кто интересовался и его родственниками. Не дай Бог, попадешь впросак! Неприятностей не оберешься. Соловьев в самом начале своей работы в сером здании уже обжегся.

Однажды он устроил настоящий разгром парторгу и директору дорожно-строительного управления. Коммунистов в нем было раз, два и обчелся. В том, что Ивасько и Балабанов самоустранились от низов, ответственный работник горкома убедился лично сам, когда нагрянул к ним с проверкой. Этим же вечером он совершенно случайно узнал от дежурного милиционера, кто есть на самом деле Балабанов. Он был родным братом Половозова, только под другой фамилией.

От неудачного визита в низовое звено партии за одну очень беспокойную ночь в густой шевелюре Соловьева появилось около дюжины седых волос. С этого момента он уже никогда не направлял, не говоря уже о том, чтобы командовать коммунистами ДСУ. Даже телефонограммы от имени заведующего отделом или секретаря по идеологии он не посылал. Не совал он нос и в некоторые другие организации. И все по той же банальной причине. Во главе районного банка была супруга Половозова. Мясокомбинатом заправлял его лучший друг, с которым он когда-то и где-то учился...

Кучерявый мужчина на засилие родственников или друзей главного шефа в структурах местной власти нисколько не обижался. При царях и Генсеках подобное было и еще очень долго будет. И никому не в силах это изменить. В том числе и неписанные этикетки. При любой встрече с Половозовым, как и с членами его семейства, подчиненные лебезили и заискивали. Мужчины вежливо расшаркивались и снимали со своих голов шляпы или пыжиковые шапки. Женщины кокетничали. Они все делали это ради одного. Они хотели остаться у кормушки, невзирая на то, кто перед ними стоял, пожилой мужчина или полупьяный сопляк...

Петр Соловьев делал все возможное и невозможное для прославления местного вождя. Принять участие в этой миссии он считал делом особой важности. Не стал исключением и день сегодняшней. Утро началось хорошо, лучше не придумаешь. Он и тройка ему подобных, почти час сидели в кабинете и били баклуши. Они ждали указаний от своей шахини Максимовой, секретаря горкома партии по идеологии. Ее все еще не было. Причиной этому было совещание у Половозова. Максимова появилась только к одиннадцати часам утра и попросила подчиненных собраться в ее кабинете. Седая женщина в строгом темном пиджаке и черной юбке ниже колен была в приподнятом настроении. Как только дверь просторного помещения закрылась, она показала первую страницу главной молодежной газеты области. Клерки, словно по команде, привстали и уставились в одну точку.

Свежий номер газеты никто из них еще не читал. Оставляли на обеденный перерыв. Соловьев снял очки и от удивления тихо крикнул. На него смотрел Половозов, его лицо светилось улыбкой. На груди импозантного мужчины был красный бант. На другой фотографии, размером поменьше, были его дочери. Идеолог присел и слегка отпрянул на спинку стула, затем сделал независимое выражение лица. Нечто подобное было и на физиономиях его коллег. Определенное равнодушие в какой-то мере насторожило Аллу Николаевну. Она громко хмыкнула и, уставившись на Соловьева, которого страшно ненавидела за его медлительность и недостаточное чинопочитание, прошипела:

— Петр Петрович, я что-то не понимаю... Мне представлялось, что Вы вникли в суть дела, которое необходимо поднять на уровень современных требований...

Мужчина с кучерявыми волосами резко вскочил и, сделав умильную улыбку, тут же отпарировал в чисто партийном стиле:

— Алла Николаевна, я Вас прекрасно понял... Статья заслуживает пристального внимания... Я целиком и полностью поддерживаю Ваше мнение, Алла Николаевна...

Перед тем, как отправить курьера в педучилище, Максимова с очень серьезным выражением лица еще раз напомнила ему о важности дела:

— Петр Петрович, не забудьте, что товарищ Половозов очень положительно прорегирировал на эту информацию... — Подчиненный сделал серьезное выражение лица, и слегка сжав кулаки, словно ему предстояло отразить полчища неведомых врагов, уже в который раз заверил свою начальницу:

— Я с честью выполню Ваше указание, Алла Николаевна... Сделаю все возможное для повышения авторитета нашей партии, Алла Николаевна...

Сипаев, преданно посмотрев на посланника городского комитета партии, слегка оттолкнул от себя питомца, затем вновь прижал его к своей впалой груди и очень доверительно произнес:

— Толя, Анатолий Иванович... Наше специальное задание прошло на ура... О тебе, воспитаннике Исилькульского педагогического училища знает вся область... — Он вновь бросил взгляд на визитера из горкома партии, у кучерявого от важности предстоявшей работы полукруглое лицо испускало лучи радости и вдохновения, и проревел. — Да какая тут область? От тебе, мой Толя, знает вся наша огромная страна...

Скудную информацию о происшедшем и необычное восхищение взрослых мужчин будущий педагог все еще не понимал. Он стоял неподвижно, несколько набычившись. Первым его равнодушие заметил Соловьев. Он взял со стола газету, легонько оттолкнул Сипаева в сторону и вплотную приблизился к молодому герою. Несколько мгновений он стоял и молчал. Ждал, когда его слюна, обильно выделившаяся на почве радости, опустится на самый низ желудка. Затем он взял учащегося в охапку и усадил его за стол директора. Стрельников не сопротивлялся, он все еще не понимал, что от него хотели. Лишь после того, как кучервый ткнул ему пальцем в газету, он понял. Эту большую статью ему предстояло прочитать и потом, возможно, пересказать. Он придвинул к себе стул и вслух прочитал заголовок статьи:

— Советская молодежь следует заветам своих отцов... — И тотчас же раздался голос Соловьева. — Анатолий, прочитай эту статью, только очень внимательно... А мы с Иваном Афанасьевичем пойдем перекурим... А то мне жарко стало...

Юноша уставился в газету. Статью он прочитал два раза. Внимательно рассмотрел и фотографии. И от неожиданности он растерялся, даже вспотел, когда в самом низу страницы увидел свою фамилию. Он вновь прошевелил губами и сжал зубы. Он, Толя Стрельников никогда не был корреспондентом областной газеты. Да и все, что было написано, многое было ложью. Он присмотрелся к фотографиям. Половозов с большой натяжкой походил на настоящего. Да и его дочери раньше были без красных флажков... Несколько позже Стрельников узнал, что директор педучилища статью от его имени написал лично сам. Монтаж с фотогра-

фиями сделал его сын, работавший в отделе фото районного Дома быта. Все остальное, что было самым главным, легло на плечи Скрябина Николая Петровича...

Специальный корреспондент газеты «Заря коммунизма» Называевского городского комитета КПСС, шедший по проселочной дороге в сторону Назаровки кисло усмехнулся. Много воды с тех пор утекло. За эти годы у него было плохое и хорошее...

Светловка, так называлась небольшая деревушка, куда направили учителя русского языка, не имела географического обозначения на районной карте, не говоря уже о большем. Селение мельчало и мельчало. Не проходило и месяца, чтобы из него не уезжали. Большая текучка была и среди учителей. В этом новенький убедился сразу же, едва переступил порог полуразвалившегося барака из камышита. Торжественную линейку, посвященную новому учебному году, открыл директор, мужчина лет шестидесяти. Через неделю вместо него появилась новая директрисса. Пожилая женщина очень редко была на своем рабочем месте, она почти каждый день ездила в районную поликлинику. Затем, сославшись на нездоровье, она уехала в Омск и больше не появилась. Вакантное место предложили новенькому, единственному мужчине среди учителей. За работу он взялся рьяно. В школе пропадал день и ночь, но ощутимого результата не было. Ветхая постройка разваливалась на глазах, ничтожной была и материальная база для обучения. Ему в благородном деле никто не помогал, ни местная власть, ни родители учеников. На собрания приходили единицы, как правило, матери или бабушки. Многие дети жили без отцов, которые уходили в мир иной в большинстве своем из-за пьянства.

Через год с небольшим Анатолий Стрельников уволился. Причиной этому был несчастный случай, который произошел с ним во время заготовки дров. Наступала осень, отапливать помещение было нечем. Его неоднократные визиты к управляющему фермой, чтобы он помог дровами или углем, успеха не имели. Его сверстник был залетной птицей. Кое-кто из крестьян пускал слухи, что их начальник совсем недавно освобожден из тюрьмы. Выпал первый снег. В учебно-воспитательном учреждении, как и в небольшой комнатке, в которой жил его шеф, был жуткий холод. В конце концов терпение у директора лопнуло. За пару бутылок водки он нанял сельских мужиков. Они привезли ему волоком дюжину берез и оставили их неподалеку от школы.

Через пару дней у Стрельникова началась очередная нервотрепка. Кое-кто из местных, вместо того чтобы ему помочь, стали подличать. Они распиливали березы на небольшие части, затем их уносили или увозили домой. Увидев это, директор в милицию не заявил. С ворами, которых он знал поименно, не связывался. Считал, что это дело бесполезное. Он вновь поднапрягся. В свободное время стал заниматься заготовкой дров. Однажды ему не повезло. Его попытка перевернуть остаток лесины закончилась плачевно. В его спине что-то шелкнуло, внутри позвоночника потекла неведомо ему доселе какая-то жидкость. Лежачего учителя обнаружили только к вечеру. Утром он оказался в районном центре Кормиловка, вечером в Омске. В медицинском учреждении для стационарного лечения он пролежал почти две недели. Смещение дисков и ущемление нерва давали знать о себе и по сей день...

В больнице он совершенно случайно встретился со Скрябиным, он брал интервью у главного врача. Встреча знакомых оказалась поучительной и полезной. На этот раз внук основательно излил свою душу пожилому мужчине, попросил у него помощи. Через месяц Стрельникова направили в город Называевск, внештатным корреспондентом газеты «Заря коммунизма». Через три месяца он стал основным ее сотрудником. При воспоминании о Скрябине пешеход тяжело вздохнул. Человека, который дал ему путевку в жизнь, не стало через два года. Не выдержало сердце...

Глава третья.

«Наша Нефертити...»

Стрельников, едва увидев очертания деревни, решил передохнуть. Он подошел к небольшому березовому колку и присел на полусгнившую березу, прямо на опушке леса. Затем расстегнул кожаную сумку, вынул из нее бутерброд и китайский термос с чаем. Ароматный тонирующий напиток стал для бобыля повседневным атрибутом. Он пил его всегда, как только его желудок заявлял о себе. Он с жадностью откусил часть плоского куска хлеба с колбасой, неспеша его пережевал и сделал пару глотков теплой жидкости. Усмехнулся. От его тела исходили клубы пара, чай же успел немного охладиться. Он вновь призадумался. Газетчики, как и вся страна ради выполнения Продовольственной программы партии были поставлены на уши. Чем больше об этом говорили и писали, тем меньше было продуктов на прилавках магазинов. При этой мысли мужчина криво усмехнулся и смачно плюнул.

В пункт назначения посланец районной газеты пришел под вечер. Его часы показывали ровно шесть, когда он переступил порог конторы, она находилась в небольшом деревянном доме. Встретила его очень пожилая женщина, к тому же почти глухая. Стрельников очень долго объяснял ей цель своего визита. Старушка то утвердительно кивала головой, то тарасила по сторонам глазами. Высокого молодого мужчину словно не замечала. Неизвестно чем бы все это закончилось, если была не подошла подмога. Дверь открылась и перед газетчиком предстала молодая девушка. Она была в черном спортивном костюме, на плечах — светлого цвета ветровка. Ее голову покрывала такого же цвета косынка. Едва особа вошла в помещение, как старуха тут же оживилась. Она словно из пулемета выпалила:

— Дашка, поговори с этим мужиком... Я все его понять не могу. Почему он заявился к нам на ночь глядя? — Повернув голову в сторону чужака и, сделав серьезное выражение лица, она под нос себе пробурчала. — Какой-то респондент из газеты, нашего Плахоту дай ему поглазеть...

Девушка заразительно рассмеялась не только от специфической манеры поведения односельчанки, но и от синтаксиса ее разговорной речи. Затем она посмотрела на незнакомца. И вмиг сильно зарделась. Глаза мужчины, как ей сейчас казалось, следили за ее каждым движением, даже улавливали ее отрывистое дыхание. Она слегка приоткрыла рот, хотела переспросить пришлого о цели визита в ее родную деревню. Сомнений у нее не было, он, наверняка, ошибся адресом. Ее малая родина мало кого интересовала. Тем более, Назаровка была на отшибе. Знаменитых людей или известных новостроек здесь также не было. Летом и то очень редко бывали горожане. Они приезжали за земляникой или за грибами. Но это было так скоротечно...

Однако чужак ее опередил. Он улыбнулся и, несколько затаив дыхание, причиной этому была поистине диковинная красота сельчанки, произнес:

— Меня зовут Анатолий, Анатолий Иванович Стрельников... — Сказал и внимательно посмотрел на девушку. Ее несколько пунцовое лицо, как ему сейчас казалось, специально испускало живые лучи волшебной красоты, в плену которых он все больше и больше оказывался. Мужчина слегка скрипнул зубами. Он уже не помнил, когда целовал женщину, не говоря уже о большем. Затем, слегка вздрогнув, он продолжил:

— Я корреспондент районной газеты «Заря коммунизма», хочу поговорить с товарищем Плахотой... Мне о нем написала учительница... Ее фамилия... Кабакова...

Аксенова, услышав имя знакомой женщины, оживилась. Она слегка улыбнулась и сняла косынку. Затем она быстро наклонила голову вниз и резко ее приподняла. Ее темно-русые каштановые волосы, словно большой веер, покорно легли на ее хрупкие плечи. Стрельников

был в настоящем шоке от волос девушки. За свою жизнь он видел немало женщин с различными прическами и волосами, но подобные — видел впервые...

Скорее всего, шатенка заметила неравнодушие мужчины к своей собственной персоне. Она окинула его пристальным взглядом и исподволь про себя отметила. Пришлый не относился к когорте красивых мужчин, но роман с ним покрутить она не против. Не исключено, что он имел и деньги. Она с самого утра еще не кушала, поэтому голод все больше и больше вынуждал ее думать о важности металлических и бумажных знаков, являющихся мерой стоимости при купле-продаже... На железнодорожном вокзале Омска выбор съестных продуктов был, но для нее это было слишком дорого. Прийдя домой, она выпила стакан молока и вновь пустилась в бега. В контору пришла по делу, хотела узнать о транспорте. Через день она собиралась вновь ехать в Омск. Идти пешком рано утром на разъезд она не хотела. Она улыбнулась и еле слышно прошептала:

— Анатолий Иванович... Я могу Вас проводить... Я думаю, что Надежда Евсеевна еще в школе...

Молодой мужчина с голубыми глазами широко улыбнулся и утвердительно кивнул головой. До школы было метров триста не больше. Во время пути он со своим гидом не обмолвился ни словом. Он все время водил глазами по сторонам. Он то задерживал взгляд на двух полуразобранных зерноуборочных комбайнах, стоявших неподалеку от конторы, то глазел на разросшие кустарники в школьном саду. Куда бы он не глядел, все равно в поле его зрения оставалась девушка со «старомодным» именем. Он даже немного приотставал, хотел лучше разглядеть ее хрупкую фигурку. На какие-то мгновения он в своих мыслях красавицу «раздевал» и от наступившего чувства его сердце замирало.

Кабакова, увидев незнакомого мужчину через окно учительской, первой вышла во двор. Едва корреспондент представился и объяснил цель своего визита, она от неожиданности всплеснула руками. Она не ожидала, что ненастная погода испортила хорошую прогулку по небольшой деревне. Поэтому она долго извинялась перед визитером за неудобства, вызванные природой. Перед тем, как пригласить его в учительскую, миловидная женщина улыбнулась и обратилась к бывшей школьнице:

— Дарьюшка, ну а как твои дела? Надеюсь, скоро станешь агрономом...

Аксенова слегка насупилась и, тяжело вздохнув, выдавила из себя:

— Да нет, Надежда Евсеевна... Я на тройки два экзамена сдала... Третий, думаю, уже бесполезно сдавать... — Затем сквозь слезы продолжила. — Я вчера забрала документы... Вы же знаете, точные науки я не люблю...

Стрельников сделал печальную гримасу. Не ожидал, что его проводнице так сильно не повезло. Он слегка покачал головой и с нескрываемым чувством жалости стал пожирать глазами красивое создание... Посочувствовала неудачнице и Кабакова. Она подошла к ней и крепко ее обняла. Затем улыбнулась и произнесла:

— Дарьюшка, не падай духом... В нашей жизни все бывает, взлеты и падения... Не переживай, поступишь на следующий год... Ты ведь наша Нефертити... Дашенька, я думаю ты еще не забыла, что я рассказывала вам об египетской царице... — Аксенова утвердительно кивнула головой. Потом она помахала рукой и покинула школьный двор. Покинула так быстро, что пришлый даже не успел посмотреть ей вслед.

Беседа Стрельникова с учительницей истории получилась очень непринужденной, поэтому основательно затянулась. Затем Кабакова проводила его до дома, где жил Иван Плахота, местный Мичурин.

Появление корреспондента из «районки» для старика неожиданностью не было. Он его уже давно ждал. Учителя, как и многие жители села день и ночь говорили, что о ветеране войны и прекрасном овощеведе пора давно написать. Говорили, но дело не двигалось. Лично сам он никому не писал и не звонил. Он улыбнулся и крепко пожал руку молодому человеку.

Затем пригласил его в дом, который снаружи был хорошо обустроен. Неплохо он выглядел и изнутри. В первой комнате, где была прихожая и кухня, все было при деле и по необходимости. Русская печь отапливалась дровами. Черес некоторое время, несмотря на то что на улице было тепло, она уже жужжала. Потoki теплого воздуха радовали гостя. Обрадовался он и приглашению хозяина вместе поужинать. На столе одинокого мужчины продукты были натуральные, без всякой химии. Домашний хлеб, вареный картофель, небольшой шматок копченого сала, куриные яйца. Угостил он «умника», так пару раз он назвал своего гостя, и самогонкой. Только после второй чарки мужчины по-настоящему разговорились. Заводилой за столом был хозяин.

Многое из жизни старика для газетчика было неведомым. Он нередко бросал пристальный взгляд на очень старого человека, на левой щеке которого был большой шрам от немецкого штык-ножа, и тяжело вздыхал. В том бою сибиряк, у которого была жена и трое детей, живым остался чудом. Больше сотни пехотинцев отдали свои жизни, чтобы овладеть высотой...

Утром Стрельников побывал на огороде местного Мичурина. Обилие овощей и фруктов его поразило. Он раньше даже не представлял, что в суровом крае могут расти дыни и арбузы, кабачки и баклажаны. Перец и китайская капуста... Плахота не только поделился опытом по выращиванию овощей и фруктов, но и опять многое рассказал о себе. Поделился он также заботами села. Корреспондент очень внимательно все выслушивал, кое-что помечал в своей тетради.

В конторе Стрельников оказался только под вечер. Руководство, как и вчера, отсутствовало. Знакомая бабка на этой раз оказалась более приветливой. Она то и дело пыталась узнать, о чем говорили Плахота и его гость. Пришлый сначала вежливо отнекивался, а потом вообще покинул помещение. Вышел и присел на деревянную скамейку, стоявшую в десятке метров от крыльца, наружного настила из березовых досок перед входной дверью в дом. Расслабился. Затем он призадумался. Идти пешком до разъезда, несмотря на солнечную погоду, ему не хотелось. Вчерашняя ходьба, несмотря на его молодость, давала о себе знать. Мысль, что надо найти управляющего и попросить у него какой-нибудь транспорт, он тут же отбросил. На селе было горячее время уборочных работ. Не до газетчиков...

Он на какое-то время закрыл глаза, приподнял голову. Солнечные лучи тянули его к спокойствию, ко сну... Неожиданно до сидячего, который уже основательно кимарил, донеслись шорохи, они настойчиво приближались. Он открыл глаза и увидел Дарью, в руках у нее была хозяйственная сумка. Скорее всего, она шла из магазина, расположенного неподалеку от конторы. Появление девушки для мужчины было полнейшей неожиданностью. Он не обманывал себя. Вчера и сегодня ему было не до воспоминаний о сельской красавице. Сейчас же его тяга к шатенке вновь всколыхнулась, притом с огромной силой. Он встал и крепко пожал ей руку. Внимательно посмотрел ей в глаза. Карие глаза все больше и больше его покорили...

Напряженный взгляд пришлого на какие-то мгновения смутил девушку. Она вспыхнула, как огонь, затем улыбнулась, оскалив при этом два ряда ровных очень белых зубов, и еле слышно прошептала:

— А я думала, что Вы придете в наш сельский клуб... — Слегка покачав головой, продолжила. — Сотрудникам брехаловки не помешало бы знать, чем живет сельская молодежь... — Стрельников слегка съежился и с озабоченным видом отпарировал. — Дашенька, я был не против клуба... Разминать старые кости также надо... — Затем тяжело вздохнув, продолжил доказывать свою невиновность. — Вчера и сегодня у меня для этого не было времени... Работа обязывала...

Сельчанка, заметив на лице мужчины капельки пота, пошла в наступление. Она сделала серьезное выражение лица и несколько назидательным голосом прошипела:

— Все пишут о цветущих деревнях... Фильмы также неплохие... А на деле что получается? — Ничего... Из глубинки в институт не поступишь... Даже и до железки надо прилично пешком драть...

Последняя реплика девушки рассмешила горожанина. Он несколько приосанился и сквозь смех произнес:

— Первое, что я хочу сказать, драпали только немцы от Москвы... Второе, мне сегодня самому до разъезда придется пешкодралить...

Молодые люди после этих слов рассмеялись и тут же замолчали. Каждый искал что-то новое для дальнейшего разговора. Возможно, и нет. Аксенова думала о своей несбывшейся мечте, она была маленькой, даже мизерной. Вчера она целый вечер глазела на входную дверь клуба. Надеялась, что пришлый придет на танцы. Хотела излить ему свою душу, поделиться своей печалью. Сама жизнь ей подсказывала, притом уже много лет. Из глухой деревни надо бежать, бежать как можно, скорее. И в этом она далеко не последнюю роль отводила корреспонденту районной газеты... Она тяжело вздохнула, окинула взглядом шоссе, по обеим ее сторонам стояли полуразвалившиеся деревянные постройки. Затем покачав головой, словно в очередной раз убеждалась в бессмысленности своего пребывания в Назаровке, сказала:

— Анатолий Иванович, нашего дядю Пашу Петрова, управляющего Вы днем с огнем не сыщите... — Загнув палец правой руки, она продолжила. — Наш единственный водитель Петька Островский сейчас в автомастерской... — И вновь загнула палец. — Затем опять в таком же тоне произнесла. — Остаются только частники... — На этот раз палец не загнула, а лишь громко рассмеялась...

Стрельников некоторое время стоял неподвижный. Ему уже не нравилось циркачество молодой девушки, особенно ее карие глаза, которые насквозь его пронизывали. Скорее всего, его презирали. Вывела его из оцепенения сельчанка. Она вплотную подошла к нему и с улыбкой произнесла:

— А частным извозчиком могу быть я, Даша Аксенова, по батюшке Авдеевна... Мой отец имеет мотоцикл с коляской... Как Вы на это смотрите?

Неожиданное предложение не огорчило чужака, наоборот, прибавило ему настроения и оптимизма. Он почти по-дружески ответил:

— Я обеими руками за частный извоз, в первую очередь, за красивую извозчицу. — Несколько задумавшись, добавил. — Я знаю, что в деревне рассчитываются самогонкой или водкой... Я же торжественно обещаю мировой красавице большую коробку шоколадных конфет, когда она окажется в моем городе или в областном центре...

Аксенова на заверения молодого мужчины ничего не ответила. Она взяла его за руку и вскоре они оказались за огородами. Она не хотела, чтобы о ней вновь судачили местные мужики или бабы. О ней уже достаточно насочиняли разного, в большей степени плохого. Несмотря на свои семнадцать лет она понимала, что они просто-напросто завидовали ее красоте. Не больше и не меньше. На местных парней, которые были ее чуть постраше, она мало обращала внимания. С некоторыми из них вообще не здоровалась. Знала, что они, как и их родители, нищие. Они никогда не станут богатыми, не говоря уже о каких-то знаменитостях. Советская система распределила все по полочкам, кому быть учителем, кому доить коров. Кому рукой водить и ничего не делать. Распределила на десятилетия. Даша это сразу поняла, как только повзрослела. Лично сама она не хотела быть в плену этой системы. Улизнуть из ее лап, она уже пыталась. Не получалось. Профессия агронома ей нравилась, правда, с большой натяжкой. Педагогом или врачом она вообще не хотела. «Жополазы», так порою называли сельские ветеринары, она вообще презирала. Она хотела иметь непыльную работу, но очень престижную и денежную. Достичь своей мечты лично сама она была не в силах. В этом она убедилась еще раз пару недель назад, при сдаче экзаменов в сельскохозяйственный институт. Не в силах помочь ей были и ее родители...

Оставалась еще одна возможность, скорее всего, надежда — найти богатого жениха. Она уже пыталась это сделать и опять неудача. Владимир Николаевич Петушков, учитель биоло-

гии был мужчина, что надо. Молодой и статный, но опять — нищий. Она даже побывала у него в гостях, через день после выпускного вечера. Однокомнатная квартира особой радости у нее не вызвала. Разочаровало ее и ее внутреннее убранство. Из мебели была одна кровать, да небольшой столик, где мужчина обедал и проверял контрольные работы. Девичье сердце чувствовало, он равнодушен к красивой шатенке...

Перед своим домом Дарья внимательно посмотрела на своего спутника. На какой-то миг глаза молодых людей встретились и тут же разминулись. Они оба тотчас же громко рассмеялись. Мотоцикл с коляской, накрытый небольшим березентом, стоял в самом центре ограды. Стрельников сдернул березент и едва заметно усмехнулся. Какой модели был старенький мотоцикл, он не мог понять. Как и не мог представить, как можно было умудриться прицепить к нему самодельную коляску, чем-то напоминавшую металлическое корыто. Сейчас же его это мало интересовало. Он вспомнил народную присказку: лучше плохо ехать, чем хорошо идти. Вспомнил и улыбнулся. У него, как никогда раньше, появилась возможность побыть наедине с девушкой, которую он полюбил с первого взгляда.

Он сам напросился за рулевого, хотя на мотоцикле с коляской никогда не ездил. Едва он выехал на дорогу, машину почему-то стало тянуть в правую сторону. Человеку со стороны, наверняка, показалось бы, что источник передвижения, испускавший клубы черного дыма, вот-вот свалится на землю или зацепит коляской рядом стоявшие березы, в лучшем случае, заедет в близлежащую полосу. О каких-либо опасностях молодой человек, сидевший за рулем, сейчас не думал. Наоборот, его душа радовалась. Позади его сидела молодая и очень красивая шатенка с длинными волосами. Она иногда так сильно сжимала руками его туловище, что ему порою хотелось остановиться и крепко ее поцеловать. Однако он не делал этого. Считал, что для поцелуев нет подходящего момента, да и время уже поджимало. До отправления электрички оставалось минут тридцать, не больше.

Внезапно пошел дождь. Сначала он слегка накрапывал, затем припустил так сильно, что деревья, стоявшие вблизи, невозможно было видеть. Стрельников улыбнулся, он решил дать отпор непогоде. Он с силой ухватился за руль, дал газу. Неожиданно на крутом повороте открытое транспортное средство с тремя колесами сильно занесло. Он поставил руль в прямое положение, вновь выехать на дорогу не удалось. Машину несло, словно по льду. К счастью, они не перевернулись, лишь оказались на поляне. Рулевой улыбнулся и вновь дал газу. Мотоцикл взревел и, пролетев метров десять, очутился не то в болоте, не то в каком-то водоеме, заросшем травой. Через несколько мгновений источник передвижения и люди, сидевшие на нем, оказались по пояс в воде. Потом что-то забулькало, поверх воды всплыли воздушные пузыри.

Мужчина не то от страха, не то от обилия воды сильно вскрикнул. Затем привстал и тут же получил сильного тумака в спину от позади сидевшей наездницы. До него также донеслось:

— Ты, придурок лагерный, не знаешь, что здесь целую вечность болото... — Стрельников от неожиданного натиска сначала струхнул. Его лицо вмиг стало красным, как у вареного рака. Он никогда не думал, что девчонка из глухой деревни, пусть даже и красивая, может поднять на него руку. Он повернулся к Дарье, слегка надавил рукой на ее плечо и, чуть-чуть заикаясь, стал оправдываться:

— Даша... Я эту дорогу никогда в жизни не знал, да и знать не хочу... Однако, это не значит, что-о-о тебе можно распускать руки...

Дальше что-либо говорить или рассматривать свою спутницу, он не стал. Он спрыгнул с подножек мотоцикла и вытащил свой саквояж из коляски. С облегчением вздохнул. Вода еще не успела подмочить документы: паспорт, удостоверение корреспондента, толстую тетрадь, в которой были записи о Плахоте, и фотоаппарат. Затем он неспеша вышел из воды, повесил саквояж на сучок березки, одиноко стоявшей неподалеко от водного массива. Сделал пару пробежек и посмотрел на небо. Не было ни одного облачка. Потом смачно выматерился. Он невольно подумал, скорее всего, Бог специально перекроил его планы. С замиранием сердца он

взглянул на часы. До отправления электропоезда, следовавшего в сторону Называевска, оставалось десять минут. Он стиснул зубы и от отчаяния покачал головой. На электричку не успеть, ни при каких условиях. Он тяжело вздохнул и посмотрел на болото. Неожиданно растерялся. Дарья не было. И тут же невольно подумал, что красивое существо психануло и дало деру в свою деревню. Он медленно повел глазами вокруг себя и улыбнулся. В самом ближнем от себя колке он увидел свою знакомую. Она стояла на опушке и махала ему рукой.

Трехколесное транспортное средство вытащить из воды удалось не сразу. Чего только Стрельников не делал для этого?! Едва оказавшись по пояс в воде, он понял, что ему в полусапожках и одежде технику не вытащить. Он вышел на берег и разделся. Остался в одних плавках. Несколько холодная вода вскоре показалась ему теплой. От усердия он сильно кряхтел, вокруг него струился пар.

Аксенова ради принципа не помогала городскому. Она неспеша прогуливалась и улыбалась. На ее душе было радостно и спокойно, несмотря на очередную неудачу. Изредка она подходила к своей одежде, развешанной на ветках березы и, бросив взгляд в сторону мощного парня, который все еще пыхтел, чтобы вытащить мотоцикл, слегка качала головой. При этом думала, что ему подобные должны работать руками, если у них в голове не все в порядке.

Было около семи часов вечера, когда двигатель внутреннего сгорания завелся и оглушил близлежащие леса своим ревом, вперемешку с громким чихом. Стрельников был очень рад, что машина оказалась очень простой по своему устройству. Ему не составило большого труда прочистить карбюратор и насухо протереть свечу зажигания. Он лихо подрулил к опушке леса, где стояла Дарья. Он еще издали заметил, что она была полуобнаженной. На землю он спрыгнул не сразу. На какое-то время задержал взгляд на девушке. Он не обманывал себя, она и на самом деле была мировой красавицей. Его бывшие одноклассницы, да и девушки из педучилища не могли тягаться с той, которая стояла перед ним и подставляла хрупкие плечи лучам уходящего на закат солнца.

Неожиданно что-то нежное и очень теплое коснулось губ мужчины. Он слегка отпрянул, затем резко подал свою физиономию вперед. Поцелуй полунагих получился короткий, но очень жадный. Первой освободила свои губы девушка. Она лукаво улыбнулась и очень серьезно прошептала:

— Толя... Для моей души лучше подходят хваткие и сильные мужчины, богатые и жадные... — Затем она резко наклонилась и с силой ударила рукой по своему колену. За время поцелуя комар уже успел насытиться ее кровью. И за это поплатился жизнью. Стрельников некоторое время был в полнейшем недоумении. Он все еще не понимал, почему эта своенравная молодая особа сразу же требует от него каких-то обязательств. Ведь бывает любовь с первого взгляда?! И не только у него, но и у нее. И у тысяч, им подобным...

Он спрыгнул с мотоцикла и вплотную подошел к той, которая глубоко запала в его душу, и которую он пока до конца все еще не понимал. Аксенова резко подала свое тело вперед и вновь прошевелила губами:

— Анатолий Иванович, я хотела еще кое-что добавить... — Слегка чмокнув мужчину в щечку, она на полном серьезе произнесла. — Меня очень многие мужики хотели и хотят иметь в постели, однако они в большинстве кобели вонючие... — Заметив удивление на физиономии полунагого, под черными плавками которого что-то неестественно шевелилось, она попыталась. — Я, как жена, хочу иметь все, что должны иметь красивые женщины...

Она слегка перевела дух и вновь прильнула к губам полунагого. Затем левой рукой провела между его ног. Член Стрельникова, как ей показалось, был необычайно большим и сильным, что она невольно вскрикнула. Она впервые в своей жизни прикоснулась к наружному половому органу мужчин. В отличие от сверстниц, многие из которых не упускали возможность поиграть в любовь, она сторонилась ребят. Желание оказаться в их объятиях было, но разум брал верх над ее чувствами. Она не хотела повторять «подвиги» двух одноклассниц,

они забеременели в восьмом классе. Один из женихов учился, другой работал скотником на ферме. Носить в утробе плод в «соплячем» возрасте она не хотела. Она ненавидела подобных девушек. Ненавидела и своих родителей. Они за всю жизнь не были ни в театре, ни в цирке, не говоря уже о другом... Не была на зрелищных представлениях и их дочь. Она мечтала о большем в своей жизни.

При этой мысли Дарья резко отпрянула назад и еле слышно прошептала:

— Толик, Толечка... Я вижу, что ты порядочный человек... Я давно о таком мечтала... Я хочу быть счастливой, иметь рай на этой земле, не как мои родители... — Затем, непонятно почему, она со злостью прошипела. — А может ты, такой же как все колхозники... За юбку готовы все и вся продать... — Увидев на лице мужчины недоумение, она всхлипнула и вновь прижалась к груди того, о котором еще ничего по-настоящему не знала. Она лишь чувствовала его страстные поцелуи и его упругий член, который очень нежно возбуждал ее клитор. Любовь на лоне природы не состоялась. Красивая шатенка набрала силы воли и оттолкнула от себя «насильника». Ее разум и на этот раз победил...

Вскоре молодые люди отошли от несостоявшейся любви и стали собираться в дорогу. Встал вопрос — куда ехать. Ехать на разъезд было бесполезно. Очередная электричка — рано утром следующего дня. Возвращаться в Назаровку и светиться без причин, они также не хотели. Все равно кое-кто из сельчан видел наедине залетного мужчину и местную красавицу. Дарья предложила свой вариант. Переночевать неподалеку, на зимовке, в доме, где жила семья казаха. Максим, ее глава был вне глаз человеческих. Летом он пас совхозную скотину, зимой уезжал в Казахстан. Он никому не мешал и ему не мешали. Если кто-то и заглядывал в полу-сгнившее строение, плохих слов не говорил. Им всегда накрывали на стол. Стрельников охотно согласился. Побывать у казахов он был не против. За время работы в газете он так и не удосужился что-либо о них написать. Он подмигнул напарнице и завел мотоцикл.

Раиса Назарбаева, немолодая женщина тепло встретила непрошенных гостей. Ее мужа дома не было, он пас скотину. Она сначала накормила детей, которых было около десятка, затем принялась за приезжих. Они впервые в жизни кушали бесбармак, который показался им необычайно вкусным. Стрельников, сидя на подушке за круглым столом, посередине которого стоял небольшой чан с бараниной, то и дело бросал взгляд на девушку напротив. При этом он улыбался. Свет трехлинейной лампы, висевшей почти под самым потолком, нисколько не отбирал богатство ее красоты. Наоборот, на фоне полутьмы, господствовавшей в небольшой комнате, она выглядела сказочной русалкой. Любое ее движение для него казалось волшебным, даже божественным. Красивое существо из славянской мифологии с длинными распущенными волосами было не только для него, но и для хозяйки с детьми своеобразным очагом, испускавшим лучшие человеческие качества.

Молодой мужчина неспеша переводил свой взгляд на казашку, затем на ее детей и опять на любимую девушку. Затем он брал в руку кусок баранины и, несколько прикрыв глаза, отправлял его в рот. Жевал он очень медленно, хотел объединить в одно общее, что сейчас для него было неземным: вкус мяса молодого барана и, конечно, любовь красивой женщины. Он вновь устремлял свой взор в ее сторону и широко улыбался. Он уже не сомневался, что это красивое создание станет его женой. После свадьбы она войдет в его жизнь и разделит с ним не только радости, но и печали. Он всегда мечтал о дружной семье, хорошем доме, в котором светло и уютно. Что еще надо для счастья?!

Хозяйка, внимательно наблюдавшая за гостями, уже давно заметила, что мужчина с слегка заросшей щетиной, равнодушен к своей спутнице. Кем они приходились друг другу, мужем или женой, братом или сестрой, она не допытывалась. Да и зачем лезть в душу чужих людей? В том, что у них все в порядке, и так было видно. Они улыбались друг другу. Без улыбки счастье невозможно...

При этой мысли она слегка толкнула гостя в плечо и с небольшим акцентом произнесла:

— Анатолий, я хочу предложить тебе русской водочки... — Взглянув на его напарницу, она продолжила. — Наши женщины мало пьют... Пьют ли русские, я не знаю...

Мужчина от неожиданного приглашения оживился. Он уже давно сожалел, что в его саквоже не оказалось шкалика спиртного. Он бросил взгляд напротив. Девушка с слегка порозовевшей физиономией молчала, хотя желание выпить ее переполняло. Она еще по-настоящему не отошла от проливного дождя и болотной воды, в которой не так давно побывала. Она усмехнулась и уставилась на того, кто все это время не сводил с нее глаз. Тотчас же влюбленные расплылись в улыбке. Они уже не сомневались, что им предстояло эту ночь провести вместе. Она будет первой в их жизни. Они почти одновременно кивнули головой...

Раиса улыбнулась и направилась в другую комнату. Вскоре она принесла поллитровку и часть ее разлила в два больших граненых стакана. Себе не налила, она пила только с мужем. Гости слегка чокнулись и пригубили. Стрельников осушил спиртное до дна. Неписаному этикету он лично сам не учился, его научили. Научили малые и большие вожди партийной и советской власти. О появлении газетчиков, посланцев ведущей силы общества, низы извещались заранее. Им предоставлялись лучшие гостиницы, рестораны, не забывали и о женщинах...

Подобное бывший детдомоец считал подхалимством, взяткой. Его тошнило от визитов легковушек, водители которых заходили в кабинет главного редактора. Нередко и он сам с ними куда-то уезжал. Стрельников долгое время проявлял принципиальность, был чистый, как стеклышко. До особого случая. Однажды летом он по работе оказался в небольшой деревне Бугаевка, она находилась в двух шагах от железной дороги. Приглашение управляющего отвезти клюквенной настойки, он напрочь отmel. На следующий день между ним и главным редактором газеты состоялся конфиденциальный разговор. Родионов в прямом смысле приказал неподкупному «Робеспьеру» исполнять неписанные законы партийной иерархии. Мало того. Он обвинил его в строптивости и в неумении реагировать на сложившуюся обстановку. Перед тем, как выпустить клерка из «парилки» лысый мужчина стукнул по столу и рывкнул:

— Стрельников... Пойми меня правильно... Ты едешь не только набить черных шаров... В первую очередь, ты едешь помочь людям... Они благодарят тебя, нас, нашу партию за правильное руководство ими...

Иное дело было с письмами читателей. Шеф газеты, как правило, их жалобы не читал, пропускал мимо своих глаз и ушей. Не реагировали на них и его подчиненные.

Эту ночь малознакомые молодые люди спали вместе. Небольшой щит из сосновых досок, на котором лежал не то войлок, не то другой материал, постелью трудно было назвать. Не было здесь и больших свежеспавших подушек и чистых простыней, на которых Дарья спала дома. Сейчас она об этом нисколько не сожалела. Место для спанья, над которым было покрытие, чем-то напоминавшее шатер, оградило ее и ее партнера от внешнего мира. Они, уставшие и полупьяные, хотели друг друга, жаждали ласки. Стрельников впервые в своей жизни лег с женщиной, которую полюбил с первого взгляда. Он делал все возможное, чтобы первая ночь для нее была особой, запомнилась навсегда. Он осторожно приблизил свой член к влагилице девушки и обеими руками притянул к себе ее стройные ноги... Аксенова, оказавшись в объятиях мужчины, тяжело вздохнула. Она корила себя, что выпила спиртное. Она не хотела иметь дебильных детей, была она и против распада семьи. Не ради этого она сейчас нарушала свое целомудрие...

Любовь у молодых людей удалась. Они наслаждались ее, несмотря на тяжелые вздохи казашки, которая почему-то тихо плакала, когда слышала протяжные стоны из шатра. Они не обращали внимание и на специфический запах, царивший в доме. Два молодых человека, мужчина и женщина, любили друг друга, любили без остатка. Без любви еще не существовало общество, которое называлось человеческим...

Был полдень, когда мотоцикл с коляской остановился у железнодорожного остановочного пункта. У мужчины, сидевшего за рулем, было приподнятое настроение. Улыбалась и его

подруга. Чувство любви, которое они испытали прошлой ночью, сблизило их друг с другом. Да и погода была по-настоящему летней, словно по их заказу. Лучи солнца нежно гладили ровное полотно земли, на которой уже во всю царствовал мир людей и зверей, птиц и насекомых, деревьев и трав...

Перед тем как проститься, Аксенова еле слышно прошептала:

— Толя, пойми меня правильно... Я вчера стала женщиной ради тебя, ради нас... — Слегка поправив волосы на голове, она с некоторой болью в голосе продолжила. — Не подумай, что я какая-то ветреная или непутевая... Я хочу жить с тобою...

Стрельников тотчас же прильнул к губам девушки. Его поцелуй был продолжительным и жадным, что Дарья не выдержала и оттолкнула мужчину от себя. Затем она тяжело вздохнула и с недовольной физиономией произнесла:

— Толя, не забывай, пожалуйста... Я хочу учиться в институте... Помоги же, пожалуйста, мой любимый...

Последние слова девушка произнесла холодно, без души. Заскрипели тормоза, останавливающегося электропоезда. Стрельников быстро запрыгнул на подножку тамбура и тут же до плачущей шатенки донеслось:

— Дарьюшка, не переживай... Я сегодня же займусь твоим вопросом... Через пару дней я приеду к тебе, только жди...

Глава четвертая.

«Козлиное отродье...»

Анатолий Стрельников со своей любимой девушкой встретился в начале октября. Встретился в Омске, совершенно случайно. С той незабываемой ночи прошло почти два месяца. Он был слегка шокирован, когда на перроне железнодорожного вокзала среди небольшой группы девчат, садившихся на электропоезд, идущий в сторону г. Исилькуля, увидел Дарью. Да ее и нельзя было не заметить. Ее красота заслоняла не только ее подруг, одна из которых была полная и с невообразимо кривыми ногами, другая была ее противоположностью — высокого роста и худой. Не могли с ней сравниться и десятки, а может даже и сотни девушек, сновавших по большому городу в это раннее утро. От приятной неожиданности мужчина улыбнулся. У Аксеновой была новая прическа. Ее длинные каштановые волосы были слегка подрезаны, сделана химия. Девушки неспеша вошли в вагон и заняли места. Он немного выждал и также направился к электричке. Сразу же приближаться к Дарье он не стал, хотел более обстоятельно обдумать причину своего долгого отсутствия. Примостившись на сиденьи, неподалеко от двери, мужчина крепко прижал к своей груди саквояж и закрыл глаза...

Едва электропоезд остановился на конечной станции «Называевская», он сразу же рванулся в редакцию. До небольшого двухэтажного особняка, расположенного на улице Кирова, было метров восемьсот, не больше. Он постучал в кабинет главного редактора, вошел. Родионов встретил подчиненного отборной бранью. Он, едва тот переступил порог, вышел из-за стола и, подняв обе руки кверху, словно просил Бога помочь ему наказать вошедшего, прокричал:

— О, Боже, Стрельников, наконец ты появился, даже не запыхался... Два дня пропадал, не издавая никаких звуков... — Опустив руки и, слегка подбоченясь, он продолжил изрыгать свое недовольство. — До твоей заброшенной деревеньки можно за пару часов пешком дойти, собрать материал и вернуться... — Затем он присел за стол и вновь изрыгнул. — А ты, маленький писака, где болтался?

Спецкор низко опустил голову и тяжело вздохнул. Не отрицал — крыть ему было нечем. Мысль, которая могла бы хоть что-то изменить к лучшему, пришла в его голову неожиданно. Он сделал пару шагов в сторону начальника и очень тихо промолвил:

— Евгений Петрович, честно говорю, моей вины здесь нет... Мой респондент товарищ Плахота чувствовал себя плохо, пришлось задержаться...

Дальнейшее поведение шефа вообще ошарашило маленького клерка. В сей миг лысина Родионова, как ему показалось, несколько вздулась, дюжина седых волос, которые доселе находились в горизонтальном положении, привстали, словно они горели желанием быть очевидцами предстоявшей борьбы между мужчинами. Плешивый крепко сжал кулаки и, раскрыв рот, насколько это было возможно, зверем посмотрел на высокого молодого человека. Затем призадумался. Этого детдомовца можно и матом покрыть, небольшая шишка. Подчиненный, увидев необычную физиономию своего начальника, сильно струхнул. Он слегка приподнялся на носках полумокрых полусапожек и преданными глазами уставился на того, кто сейчас определял не только его карьеру, но и его жизнь. Зеленые глаза шефа не двигались, стояли неподвижно.

Затем он перевел взгляд несколько ниже и, увидев небные миндалины во рту лысого, которые были не то серые, не то черные, тут же отвернулся в сторону. И в этот миг он услышал:

— Негодяй, почему ты меня обманываешь? — не прокричал, а проревел Родионов. Стукнув кулаком по столу, он с некоторым заиканием продолжил. — Я, я-я твоего Плахоту сегодня утром видел во Дворце пионеров...

Клерк медленно плюхнулся на стул, стоявший возле двери, и закрыл глаза. Обвести начальника вокруг пальца ему не удалось. Ложь не только усугубила его шаткое положение в составе редакции, но и лишила его сил. Он тяжело вздохнул и схватился за сердце. Его колени, руки слегка дрожали. Необычное поведение подчиненного не на шутку испугало Родионова. Он некоторое время наблюдал за ним, надеялся, что отойдет. Затем, как ошалелый, кинулся в коридор, потом в бухгалтерию. К его счастью, Ниночка, молоденькая женщина оказалась на рабочем месте. Свои обязанности она исполняла через пень колоду. И на этот раз она сидела за книгой. Больше всех Потехиной нравились романы о любви. Испуганное лицо шефа ее несколько озадачило, но не испугало. Она отложила книгу, слегка поерзала задницей на стуле и уставилась на лысого мужчину. Он тотчас же схватил ее за руку и взмолился:

— Ниночка, дорогая моя... Помоги нашему Стрельцу, он, как мне кажется, вот-вот коньки отбросит... Я в этой медицине абсолютно никакого понятия не имею...

Несколько пухлая особа резко освободила руку и, сделав серьезное выражение лица, прытью побежала в кабинет главного редактора. Вошла и тут же с облегчением вздохнула. Стрелец, так за глаза прозывали Анатолия Стрельникова, сидел на стуле и пальцами рук барабанил по своим коленям. Лицо его было измученным, заросшим. Под глазами мешки. Она неспеша подошла к коллеге и, положив руку на его плечо, очень спокойно произнесла:

— Толя, я вижу, что ты устал после командировки. Может тебе надо отдохнуть...

Затем она с надеждой посмотрела на шефа. Родионов еле слышно прошевелил губами:

— Да, я не против этого... Командировка у товарища Стрельникова была очень напряженной... — Стиснув зубы, он горделиво уселся за свой письменный стол. Петухова тут же вышла вон.

На какое-то время в кабинете наступила тишина. Начальник что-то писал в тетради, его подчиненный сидел на стуле, словно истукан и молчал. Раздумывал. Затем он неспеша приподнялся и внимательно посмотрел на лысого. Он прекрасно понимал, что такой разгон для него был неспроста. На деле это означало, что сейчас, притом незамедлительно, надо было во что бы то ни стало заткнуть какую-то дыру...

Слегка покачиваясь, Стрельников привстал, взялся за спинку стула, и еле слышно произнес:

— Евгений Петрович... У нас прорехи? Требуется моя помощь, притом срочная... Я правильно понял?

Родионов на вопрос не ответил. Он вышел из-стола, подошел к окну и, приоткрыв шторку, посмотрел вдаль. В самом конце улицы Ленина, возле Дома пионеров кучковались ветераны войны и труда. Затем посмотрел на свои часы. Времени было в обрез. Он вновь присел и из небольшой стопки бумаг вытащил пригласительный билет и программу представления. Спецкор с облегчением вздохнул. На какое-то мгновение ему удалось замолить свой грех. Он кисло улыбнулся, подошел к начальнику и, взяв из его рук бумаги, направился к выходу. До открытия встречи с ветеранами войны и труда оставалось десять минут. В этот вечер грешник многое передумал. Он знал повадки своего шефа. Родионов был очень злопамятным. Ошибки подчиненных, особенно, их безынициативность, плешивый не переносил. Проходило время и он, выждав удобный момент, тут же вонзал в спину клерка нож. Нож был не только острый, но и очень ядовитый. «Черт с авторучкой», так за глаза прозывали сотрудники редакции своего начальника, никогда не давал им зеленый свет для карьеры. Наоборот, он делал всевозможные подножки, иногда в прямом смысле над ними издевался...

Стрельникова, который слегка кимарил, неожиданно толкнули в плечо. Он вздрогнул и открыл глаза. Перед ним стоял пожилой мужчина в форме железнодорожника. Старик улыбнулся и, слегка поиграв компостером, строго произнес:

— Молодой человек, а билетик у Вас есть? — Затем покрутил головой по сторонам, продолжил. — Небось не успел взять... Ведь дело молодое, всякое бывает...

На едкую реплику контролера пассажир ничего не ответил. Он слегка потянулся, открыл саквояж. Из небольшого карманчика вынул служебное удостоверение. Седовласый наклонился, затем почему-то сильно шмыгнув носом и тут же перешел в другое купе.

Стрельников посмотрел на часы. Прошло почти тридцать минут. Он все еще не определился, как вести себя с Дарьей, что ей сказать. Он встал и вышел в тамбур. В отдельном небольшом помещении перед входной дверью на корточках сидела тройка парней и о чем-то громко разговаривала. У одного из них в руках была бутылка водки, ее остатки слегка бултыхались при движении поезда. Пьяных, особенно, подростков, бывший детдомовец ненавидел, даже побаивался. Толпы молодых людей, подогретых сивухой, нередко горланили по Исылкулю или Называевску. Они ломали торговые киоски или переворачивали урны для мусора. Были случаи и поножовщины.

Он, как корреспондент не любил писать на «пьяные темы». Его любимым кредо были встречи с ударниками коммунистического труда, работниками милиции, с комсомольцами и пионерами. О важных персонах города и района писал сам Родионов. Он не пропускал ни одного важного мероприятия или праздника. Они заканчивались, как правило, пьянкой и подношениями. Привозили его домой на машинах тех, кто его приглашал. Нередко доставляла его и жена. Спецкор жену своего шефа никогда не видел, да и видеть не хотел. Муж и жена — одна сатана...

Мужчина с саквояжем в руках подал тело вперед и через полуоткрытую дверь устремил свой взгляд в середину вагона. Двое парней и две девушки сидели друг против друга и играли в карты. Дарья смеялась громче всех. Она не только смеялась, но и весело подмигивала своему напарнику. Увидев это, Стрельников закусил нижнюю губу. Закусил ее так сильно, что сразу же во рту ощутил привкус крови. Ему сейчас было стыдно за себя. Он многое обещал красивой сельчанке, но ничего не сделал. Он тяжело вздохнул и вновь сел на свое место.

Едва электричка прибыла на конечный пункт, Стрельников в один миг покинул вагон и устремился к его носовой части. Дарья с подругами выходила последней. Она слегка приподняла свою черную юбку и опустила ноги на первую ступеньку металлической подножки. Затем сделала несколько шагов вниз и легко спрыгнула на землю. И тотчас же ее подхватили чьи-то сильные руки. Девушка от неожиданности вскрикнула и, увидев перед собою знакомое лицо, резко отпрянула назад. Затем левой рукой со всей силой ударила по физиономии мужчины. Подруги от происшедшего опешили. Худошавая быстро схватила ее за руку и со страхом прокричала:

— Даша, что ты делаешь? Почему распускаешь руки против незнакомого тебе человека?
— Испугалась и кривоногая. Она бросилась к обиженному и, слегка заикаясь, промолвила:

— Товарищ гражданин... Товарищ мужчина, не ругайте на-а-шу подругу... Она очень хорошая девушка... Право не знаю, что сейчас на нее нашло...

Оскорбленный кивнул головой и отошел в сторону. Его глаза тотчас же стали влажными. Затем он искоса посмотрел на девушек. Они стояли все на том же месте и о чем-то громко спорили. Самая красивая из них молчала, она была неподвижна, словно сфинкс. Стрельников тяжело вздохнул и неспеша подошел к небольшому газону с поблекшей травой. Остановился, присел на рядом стоявшую скамейку. Он вновь посмотрел в нос поезда. Девушки шли в его сторону. От предчувствия неладного он сильно съежился, низко опустил голову. Сделал он это непроизвольно, словно по чьей-то неведомой указке. Через некоторое время он услышал знакомый голос:

— Пошел вон, козлиное отродье...

К источнику голоса высокого роста мужчина не повернулся. Он знал, что этот приговор для него был окончательным. Что-либо исправить уже невозможно. Лишь после того, как на перроне стало безлюдно, он двинулся в сторону Дома культуры железнодорожников. Через час начинался трехдневный областной семинар молодых работников прессы.

Дарья Аксенова в тот день, когда проводила своего любимого мужчину, в сельский клуб не пошла. Не появилась она и на следующий день. Она сидела дома и смотрела телевизор. Первые два дня разлуки пролетели для нее незаметно. Последующие же были настоящим кошмаром. Она то и дело смотрела через небольшие окна, выходящие на главную улицу деревни. Нередко выходила и на огород. Пристально всматривалась в самый дальний березовый колок, за которым находился железнодорожный полустанок. Стрельникова не было. Прошла неделя. У нее произошел нервный срыв. Она не кушала, не включала телевизор. На вопросы родителей не отвечала, иногда смеялась, словно помешанная... Она не ожидала, что в самом начале ее любви ей придется нервничать. Она все больше и больше была в постели. И все думала и думала. Иногда она прикасалась рукой к влагалищу и опускала пальцы в его глубину. Или накладывала обе руки на низ живота. Она все больше и больше терялась в догадках: беременная или нет. Она не хотела иметь ребенка без отца...

Прошел месяц, другой. Обманутая русалка смирилась со своей судьбой. Она вновь окунулась в житейский мир. Закупалась в магазине или ходила в лес за грибами. Нередко помогала матери по хозяйству. Дважды она побывала в Омске. Время провела недаром. Неожиданно для себя она обрела подругу, Тамару Соютину. Благодаря ее брату, она поступила в кооперативный техникум. В светлое время суток нервная система девушки в какой-то мере успокаивалась, ночью же ее донимали тяжелые, гнетущие сновидения. Стрельников ей почему-то не снился. Зато она часто видела своих родителей. Они стегали ее плетью или большими прутьями. Порою она просыпалась. Выходила во двор или на балкон в студенческом общежитии. Обращала свой взор к небу и всхлипывала. Небо было темным, даже страшным. Кромешная мгла на какое-то время поглощала ее страдания, но ненадолго.

Аксенова приехала в Исилькуль не просто так. Она приехала проверить на беременность. Мать Тамары работала гинекологом в городской поликлинике. Дарья уже через две недели после злополучной ночи со Стрельниковым устраивала для себя эксперименты. Дома она часами торчала на кухне, напросилась поваром и у девчат в общежитии. Она сильно радовалась, когда в небольшой комнатке для приготовления пищи гулял невыносимый запах, от которого кот Евсей бежал на улицу или прятался за платяной шкаф. Несмотря на нехватку времени, она дважды сходила в городскую баню. В парилке сидела долго, пока не было дурно.

Стрельников три дня в прямом смысле охотился за любимой девушкой. Где он только не бывал?! Он обошел практически все улицы Исилькуля, был на колхозном рынке. Дважды был он и на железнодорожном вокзале. Он внимательно вглядывался в девушек, садившихся в электропоезд, следовавший в сторону Омска. Любимой не было. Она словно сквозь землю провалилась. Только на третий день вечером, после окончания семинара, мужчина, голова которого была напичкана идеями и ценными указаниями, встретил неуловимую особу. Встретил ее на железнодорожном вокзале. «Охотник» вошел в первый вагон, Дарья и ее худощавая подруга — в третий. Через остановку он отважился подойти к девушкам. Он почти на цыпочках вошел в купе напротив и, словно муха, присел. Подруги болтали об очередной серии выпуска «Ну, погоди!». Некоторое время они не замечали мужчину с небритым лицом, одетого в осеннее полупальто серого цвета. Первой заметила его Дарья, когда она несколько продвинулась в сторону прохода и достала из дамской сумочки черного цвета свою косметичку. Закрывает сумочку и, увидев знакомого, слегка вздрогнула. И тут же вспыхнула, как свечка. Сначала она сидела неподвижно, раздумывала. Затем наклонилась к долговязой и что-то шепнула ей на ушко. Потом она встала и стремительно направилась к тамбуру. Стрельников последовал за нею.

Едва он оказался в небольшом помещении, как тут же от девушки с каштановыми волосами получил удар по физиономии. Он был такой сильный, что он несколько отпрянул назад. Затем провел рукой по своей левой щеке. Она горела пламенем. Мало того. На его пальцах

была кровь. Дарья не только ударила его ладонью, но и умудрилась пробороздить его щеку своими длинными ногтями. Он стиснул зубы и еле слышно произнес:

— Дарья, послушай меня, пожалуйста... Я все тебе объясню... Я ни в чем не виноват... Я хочу... — Что-либо дальше сказать ему не удалось. — Шатенка резко подала свое тело вперед и взмахнула рукой. На этот раз мужчине удалось увернуться. Удар прошелся по мимо проходившей старушке, за спиной у нее был вещевой мешок. Она от неожиданного удара слегка качнулась, затем присела на корточки и истошно завопила:

— Люди добрые, помогите мне... Ой, убивают эти бандиты... Помогите, люди добрые...

На ее голос среагировали двое мужчин, куривших в тамбуре. Один из них, который был постарше и в теплой косоворотке, положил руку на плечо пожилой женщины и очень спокойно сказал:

— Бабулька, беги скорей отсюда... Пока и вправду тебя не исколотили... Беги же, я тебе говорю...

Страдалица с удивлением посмотрела на «учителя». Затем привстала и по очереди окинула взглядом присутствующих. Никто доверия ей не внушал. В том числе и смазливая девочка с каштановыми волосами. Больше всех она почему-то не доверяла мужчине, его лицо было в крови. Она сняла со спины вещмешок, что-то буркнула себе под нос и ретировалась в соседний вагон...

Некоторое время молодой мужчина высокого роста и почти такого же роста девушка молчали. Каждый из них раздумывал, собирался с мыслями. Вскоре курильщики покинули тамбур. Стрельников первым нарушил молчание. Он положил руку на плечо любимой женщины и тихо прошептал:

— Дарюшка, пойми меня правильно... Я не подлец, я хотел только лучше тебе, но извини меня, пожалуйста, не получилось... В этом вины моей нет... Пойми меня правильно...

Аксенова, смотревшая в противоположную сторону, молчала. Она, узнав, что она небеременная, решила раз и навсегда покончить с тем, кто ее так сильно обидел. Не только обидел, но и обманул. Стрельников все говорил и говорил. Его голос с каждым движением языка был тверже и увереннее. Он все еще надеялся наладить отношения с девушкой, которую очень сильно любил. Для взаимного понимания нужно было время и больше ничего. Он опять произнес:

— Даша, не переживай, все будет нормально... Дай мне только время, любимая моя...

Он наклонился к девушке и сделал попытку ее поцеловать. Не удалось. Дарья изогнулась змеей, сделала шаг в сторону и со всей силой ударила его по лицу. И на этот раз пощечина для Стрельникова была неожиданной. Он никогда не думал, что это ярко накрашенное красивое создание, которое он любил, способно на такую низость. Он стиснул зубы и отошел к противоположной двери тамбура. Затем слегка покачал головой и тяжело вздохнул. Вывод напрашивался сам собою. Разговора с Дарьей не получилось, какое-либо примирение с нею исключено. Через несколько мгновений на него нахлынула волна равнодушия к некогда любимой женщине. В плену отчуждения оказалось его сердце и душа. Он решил выйти на первой же остановке, прогуляться по свежему воздуху. Определиться с собою...

Он вновь тяжело вздохнул. Молниеносное вчера с красивой девушкой, стало для него прошлым, которое уже невозможно было вернуть. Из его глаз текли слезы. Он двинулся к выходу, спрыгнул с подножки на землю. Через открытую дверь он услышал:

— Писака, спи спокойно... Я небеременная... Я свободная женщина, ты понял меня, детдомовец вонючий...

Стрельников резко повернулся в сторону той, которая уходила от него навсегда. Уходила без его ребенка. Увидеть Дарью ему больше не удалось. Двери электропоезда закрылись, словно врата волшебного ларчика, в котором только что царила любовь наедине с ненавистью и презрением друг к другу. На перроне полустанка он простоял около полчаса. Стоял он непо-

движно, словно изваяние. Неподвижными были и его голубые глаза. Они сначала внимательно вглядывались в уходящий электропоезд, затем были устремлены в неведомую даль. Что было за горизонтом, что сулил ему день завтрашний, одиночка не знал. Одно он знал, что вчера и сегодня в его жизни ничего хорошего не было. Кроме разочарований и душевной боли...

Аксенова после неожиданной встречи со Стрельниковым, едва присела на сиденье, сразу же пустилась в размышления. Сначала «пропустила» через свою голову и душу радостное. Из гинекологического отделения она вышла одухотворенной, словно еще раз народилась на свет. Невысокого роста женщина сначала прощупала руками низ ее живота. Затем, раздвинув специальным прибором половые губы ее влагиалища, на некоторое время замерла и запустила свою руку вовнутрь. Пациентка лежала на гинекологическом стуле, затаив дыхание. Она не хотела больше ни слез, ни переживаний. Да и вообще ничего в этой жизни она не хотела. Она возненавидела людей, когда окончательно поняла, что любящий ее мужчина, ее обманул. Иногда ей не хотелось жить. Не интересовала ее также и жизнь подружки.

С Соютиной, она, скорее всего, сблизилась по необходимости, чем по душе или каким-либо симпатиям. Тамара была ее противоположностью. Каких-либо секретов от нее не держала. Не проходило и часа, чтобы она не делилась с ней впечатлениями из своей жизни, будь они плохие или хорошие. Она в первый же вечер познакомилась гостью со своим женихом. Федор Никелев еще в школе на нее заглядывался. Дарье же он вообще не понравился. Он был даже чуть ниже ростом своей подружки. Мало того. Его круглое лицо, покрытое веснушками, вызвало у нее определенное отвращение. Она улыбнулась и для приличия протянула парню руку. На этом их знакомство закончилось. Конопатый тут же улетучился в соседнюю комнату, к невесте. Вскоре влюбленные покинули дом. Тамара вернулась поздно, ее родители уже спали. Дарья сидела за столом, ужинала. Запоздалая пришла веселая, словно успешно сдала государственный экзамен в институт или выиграла по лотереи автомобиль. Кушанье длилось недолго, но за это время она рассказала подруге почти все, что произошло за день в провинциальном городишке. Не забыла она и о своем женихе...

После окончания средней школы одноклассники подали документы в Омский политехнический институт. Через две недели они вновь приехали в Исилькуль, не прошли по конкурсу. Федор вскоре устроился часовым мастером при железнодорожном вокзале. Его профессия была не ахти престижная, но прибыльная. Все горожане и также жители близлежащих деревень ремонтировали у него часы. Самоучка брал не только наручные, но и настенные, притом любых марок. Запчасти для приборов он покупал на рынках в Омске. Переплачивал, но заказы выполнял в срок. У молодого мастера водились не только деньги, но и все то, чем были богаты его клиенты. Кое-кто из селян рассчитывался с ним продуктами питания из своего подворья. Часть добычи он дарил своей девушке. Она рассчитывалась с любимым меценатом поцелуями. Желание отдаться парню у нее было, но она боялась родителей, особенно мать. Она, едва заметив, что за ее дочерью стали ухлестывать, провела с нею индивидуальное собеседование. Оно было очень коротким и строгим.

Несколько подбоченясь, Антонида сквозь зубы процедила:

— Смотри у меня, Томка, принесешь в подоле ребенка, сразу тебя удавлю... — Заметив испуганную физиономию своего дитя, в душе которого господствовал неподдельный страх, она продолжила. — Я, будет тебе известно, выходила за твоего отца девственницей, нетронутый... — Окаменевшее лицо дочери, привело к очередному витку правды, исходившему от некрасивой женщины. Она вновь изрыгнула из себя. — Томка, слушай дальше... Первую ночь с женихом я провела в доме его родителей. Утром его мама показала мужиной и моей родне белую простынку... — Здесь дочь не удержалась. Она слегка перевела дух и выпалила. — Мама, а что там было? — Сексуальная неосведомленность ребенка страшно рассердила родительницу. Она тяжело вздохнула и со злостью подытожила. — Вот когда выйдешь замуж и переспшишь со своим хахалем, тогда и покажешь мне эту тряпицу...

Доверительно разговора между женщинами в дальнейшем не получилось. Каждый остался при своем мнении. Мать бурчала себя под нос, возмущалась непонятно кем или чем. Дочь слегка кусала свои толстые губы и почему-то со страхом ждала брачную ночь со своим любимым.

В отличие от подруги Дарья Аксенова смотрела на супружескую жизнь куда спокойнее, без какого-либо страха. После осмотра между врачом и пациенткой состоялся откровенный разговор. Соютина сначала выразила сожаление, что молодая девушка еще до брака совершила ошибку, потеряв девственность. Затем она дала ей несколько рекомендаций. Лишь потом объявила диагноз. Красивая шатенка, узнав о том, что она небеременная, обняла щуплую врачиху и чмокнула ее в щечку. Соютина улыбнулась и покачала головой. Она вспомнила кое-что из своей жизни. В молодости за нею, за некрасивой девушкой, к тому же очень худой, ухаживал только один парень, и тот был с изъязмом. Его нос, аппарат для дыхания и обоняния чем-то напоминал толстую обструганную палку с загнутым концом. Тоня мечтала не о таком принце, но после тяжелых раздумий согласилась со своей судьбой... Эта же молодая особа с очень стройными ногами и почти пределом совершенства женской красоты, имела куда больше возможностей среди мужского мира, чем та, кто ее обследовал. Визит молодой грешницы к гинекологу затянулся. И не по ее причине. Соютина помогла подруге своей дочери не только советом, но и делом. Для страховки она вставила в ее влагалище спираль. Почему она это сделала, она и сама не понимала...

Дарья прислонилась к окну и некоторое время наблюдала за пролетающими мимо нее лесами и полустанками. Сожалела, что их становилось все меньше и меньше... Через некоторое время она изменила ход мыслей. Она окунулась в кладовую своих тайн. И в этом мире, как не странно, у нее было много оптимизма. Она даже радовалась, что в самом начале жизни у нее так все получилось. История со Стрельниковым была для нее проверкой, уроком для будущего. При этой мысли красивая шатенка с волнистыми волосами с облегчением вздохнула и посмотрела на свою подругу. Тамара сидела неподвижно и слегка кимарила.

Размерный стук колес вновь вернул Аксенову в раздумья. Три дня назад и сегодня она делала все правильно. Она улыбнулась и очень медленно окинула взглядом тех, кто находился в вагоне. Слегка покачала головой. Красивых женщин, как она, в довольно большом помещении не было. Она вновь повернула голову из стороны в сторону. На этот раз в поле ее зрения были мужчины. «Съемка» была непродолжительной. Тех, кому она могла бы симпатизировать, было трое. Двое молодых парней, сидевших через пару купе от нее о чем-то, разговаривали. Они иногда словно по команде вставали с мест и пялили глаза на красивую шатенку, сидевшую у окна. Она лишь изредка улыбалась, но каких-либо знаков внимания молодым людям не подавала. Да и зачем это делать? Они, наверняка, были нищие. Были у родителей, запаслись продуктами питания. Дарья задержала взгляд и на военном, возле двери. Он сидел, словно истукан, изредка кимарил. И ему она дала разворот-поворот. Она не сомневалась, капитан с седыми висками больших звезд с неба не хватал...

Через некоторое время Аксенова перевела дух и начисто отмела мысли о пассажирах. Она вновь опустила в мир личной жизни. Антон Михайлович Соютин, как мужчина, у нее особых симпатий не вызывал. Лысых она вообще не любила. Однако его помощь, притом довольно весомая, ее заинтриговала. Родной брат ее подруги, как ей казалось, не без корысти оказывал ей помощь и внимание. В этом она убеждалась, как только на нем задерживала взгляд. Черные глаза преподавателя, которому уже было далеко за тридцать, бегали из стороны в сторону, как белки в колесе. Иногда он улыбался, причем так жалко, что ей казалось, что он вот-вот от своей улыбки расплечется.

Недавний случай учащуюся техникума вообще шокировал. Она, немного поболтав со своим патроном, направилась в женский туалет. Едва схватилась за дверную ручку, как тут же позади себя услышала:

— Дашенька, возьми, пожалуйста, туалетную бумагу... — Соютин, слегка покраснев, вытащил из заднего кармана брюк небольшую упаковку в целлофановой обертке. — Затем еле слышно добавил. — Это мне знакомый из Германии привез, он был в служебной командировке... — Аксенова обернулась, несколько мгновений она молчала. Затем с улыбкой произнесла. — Анатолий Михайлович, мне как-то неудобно такую услугу от Вас принимать... — Несколько зардевшись, она продолжила. — Я, честно говоря, впервые такое от мужчин получаю...

Что-либо сказать дальше, она уже не могла. Ее кишечник ее основательно поджимал. Она быстро взяла упаковку и ринулась в туалетную комнату. Вскоре облегченно вздохнула и невольно улыбнулась. Импортная бумага была не только очень мягкой, но и отдавала приятным запахом. Она посмотрела по сторонам. На пошарпанной кабинке из фанеры кое-где были экскременты. Сильно отдавало и мочой. Она тяжело вздохнула и двинулась на выход. Затем подошла к раковине, открыла вентиль водопроводного крана. Маленькие капельки полутемной жидкости очень медленно падали на дно ржавой металлической посуды, раковины. Аксенова скрипнула зубами и кисло улыбнулась. В ее родной деревне туалетное мероприятие мало чем отличалось от города. За небольшим исключением. В всячем рукомойнике всегда была теплая вода...

Антон Михайлович Соютин, едва вошел в мужской туалет, тут же придался приятным мыслям. Девушка со стройными ногами и красивым лицом не давала ему покоя. И сейчас, когда он в какой-то мере совершил бестактность с нею, предложив ей туалетную бумагу, он вновь был в своем амплуа. Он неспеша спустил брюки и присел. На миг представил в подобной позе свою подопечную и слегка усмехнулся. Даже естественная надобность не поколебала его любовной страсти к красивому существу. Он не обманывал себя. У него к первокурснице ничего серьезного не было. За одним лишь маленьким. Он хотел ею овладеть, переспать с нею как мужчина. Хоть один только раз, от этого он был бы от счастья на седьмом небе. Обжениться с нею он был также не против, но увы... Причиной этому была даже не разница в возрасте, а страх перед партийными органами. Коммунисты техникума, не говоря уже о райкоме партии, никогда ему не простят прелюбодеяния с несовершеннолетней. Иногда он успокаивался, начисто отметал заоблачные мечты. Значит, не судьба, да и не та система в Союзе, что на Западе. За бугром хоть кого под венец веди, лишь бы был толстый кошелек...

Прошло полгода. Смазливая шатенка, поступившая в техникум не без помощи Соютина, он ей заранее показал билет по математике, все больше и больше вносила коррективы в график его работы. Он, заместитель директора по воспитательной работе перед началом занятий и после них некоторое время сидел в кресле и зырил глазами через окно своего кабинета, оно выходило на парадное крыльцо большого трехэтажного здания. Подобные «моционны» он делал десятки раз, как только впервые увидел новенькую из дополнительного набора. Она резко отличалась не только от однокурсниц, но и от всех девушек специального учебного заведения. Она, скорее всего, понимала свое преимущество перед ними и делала все возможное, чтобы еще больше выделиться. Возможно и то, что она этим хотела кому-то насолить или отомстить. Аксенова носила очень короткую черную юбку, из-под которой выглядывали ее точеные ноги. Длинные волосы – локоны каштанового цвета она раскидывала во все стороны. Они были не только на ее плечах, но порою закрывали и ее красивое лицо. Никто из преподавателей ей замечание по этому поводу не делал, включая и директора Широкова Ивана Николаевича. Соютин его не любил. Мужчину с крупным носом и с прической бобриком, который пришел два года назад из горисполкома, он иногда даже презирал.

Первая попытка Соютина прелюбодействовать с очаровательной учащейся, к его удивлению, оказалась успешной. Произошло это поздним вечером. Он сидел в рабочем кабинете и неспеша переписывал в общую тетрадь передовую статью из газеты «Правда». Утром ему предстояло выступить с политической информацией перед студентами. Он слегка приподнял

голову, когда в дверь его кабинета постучали. Затем он быстро привстал и слегка покраснел, когда перед ним появилась красивая шатенка. Ее появление, тем более в столь позднее время, было для него неожиданностью, наименее приятнейшей неожиданностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.